

To appear in *Балто-славянские исследования*, вып. XVII.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ПЕРВИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

ФОРМАЛЬНЫЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ

П. М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН)

0. Постановка задачи¹

Система парадигматических классов глаголов в литовском языке отличается своей сложностью, которая заключается, во-первых, в обилии разнообразных словоизменительных средств, и, во-вторых, в ничем, как может подчас показаться, не мотивированном выборе этих средств, лексически закреплённых за каждым глаголом. В особенности это касается весьма многочисленного класса так называемых «первичных глаголов» [Senn 1966: 255; Амбразас (ред.)1985: 254 и сл.], у которых исходная форма (инфинитив) имеет структуру Корень+*ti*, из-за чего противопоставления типов основ, наблюдаемые в финитных формах, нейтрализуются. Этот факт дал основание некоторым авторитетным исследователям литовской глагольной морфологии, например, Т. В. Булыгиной (см. [Булыгина 1970: 49 — 50; 1977: 244]) говорить о том, что форма инфинитива имеет «наименьшую прогностическую силу», т. е. в наименьшей степени содержит информацию о словоизменении глагола. Это утверждение, как будет показано ниже, верно лишь до тех пор, пока исследователь не принимает во внимание семантику глагольной лексемы.

Известные мне описания литовского спряжения не предлагают классификации и адекватного (в частности, экономного и имеющего предсказательную силу) описания словоизменительных типов первичных глаголов литовского языка. Процитированная выше грамматика [Амбразас (ред.) 1985] даёт лишь таблицу (с. 257 —258), в которой приводятся типы чередований основ, однако ни адекватной классификации этих типов, ни серьёзной попытки указать их распределение там нет (авторы пытаются связать словоизменительные типы глаголов с фонетической структурой корня, но практически к

¹ Я благодарю А. В. Андронova, А. В. Дыбо, А. А. Зализняка, И. Б. Иткина, В. А. Плунгяна и В. Н. Топорова, которые прочли данную работу или её фрагменты в рукописи, и чьи ценные замечания я постарался учесть при подготовке окончательного варианта текста.

каждому выделенному ими подтипу имеется больше количество никак не объясняемых исключений). Грамматика [Senn 1966] также приводит лишь подробно расклассифицированные по типам основ списки глаголов (с. 258 — 279). Подробная и сопровождающаяся описанием наиболее общих семантических свойств глаголов («действие», «состояние» и т. п.), классификация в Академической грамматике [Ulvydas (red.) 1971: 219 — 235] не может быть признана достаточно точной ни в морфологическом, ни семантическом отношении, хотя она, несомненно, даёт весьма полное представление о формальном и смысловом разнообразии (правда, без каких-либо обобщений) литовских первичных глаголов. «Динамическое описание литовского спряжения» в работе [Булыгина 1977: 238 — 269; см. также Булыгина 1970: 38 — 70] также не решает проблемы парадигматических классов, более того, эта задача в работе даже не ставится. Разработанная Т. В. Булыгиной модель литовского спряжения обладает большой предсказательной силой и содержит немало интересных обобщений, однако у неё есть один недостаток: морфологические и морфонологические правила, общие для всех глаголов, применяются к абстрактной основе, но сама эта основа принимается как некая данность и проблема её «вычисления» на основании реальных форм (а такая задача стоит, в частности, перед ребёнком, усваивающим систему литовского спряжения) даже не ставится. То же можно сказать и о подробном очерке порождающей фонологии литовского языка [Heeschen 1968: 190 — 282]².

Что же касается словарей литовского языка ([Lyberis 1962; DLKŽ 2000; MLKŽ 2000]), то в них морфологическая информация о словоизменении глагола даётся в виде трёх основных форм — инфинитив, 3 л. настоящего времени и 3 л. прошедшего однократного времени; знание этих трёх форм и правил образования остальных в совокупности позволяет построить парадигму подавляющего большинства литовских глаголов. Однако, как мне представляется, классификация парадигматических классов литовских глаголов наподобие той, которая проделана для русского языка в [Зализняк 1987 (1977)], и возможна, и необходима — она не только позволила бы сделать важные обобщения и по-новому взглянуть на кажущиеся необъяснимыми и разрозненными факты, но и сэкономить в словарях место, нужное, например, для указания модели управления глагола (эта необходимая информация полностью отсутствует, например, в

² Единственная известная мне полная классификация парадигматических классов литовских глаголов, в некоторых аспектах отличающаяся от моей, содержится в неопубликованном приложении к типологической работе [Dressler et al. 2004].

[DLKŽ 2000]; мне представляется, что эти сведения, во-первых, не менее важны, а, во-вторых, вряд ли менее лексикализованы, чем тип спряжения, исправно и неэкономно указываемый в этом словаре при каждой лексеме).

В данной работе, во-первых, предлагается классификация морфологических типов первичных глаголов с основами на согласный (т. е. я исключаю из рассмотрения такие глаголы, как *lyti* ‘лить’, *gauti* ‘получать’ и т. д. — их словоизменительный тип предсказать относительно легко, кроме того, они подчиняются закономерностям, во многом отличающимся от тех, которые я выявляю в данной работе), и, во-вторых, формулируются основанные на семантике глаголов правила распределения некоторых из выделенных типов.

Материалом работы служит список глаголов, включённых в словарь [Lyberis 1962] и составляющий порядка семисот непроезженных (бесприставочных и невозвратных) глагольных лексем в традиционной орфографической акцентуированной записи.

1. Классификация парадигматических классов первичных глаголов

1.0. Предварительные замечания

Как уже было сказано выше, для того, чтобы, имея правила образования форм, построить полную парадигму литовского глагола, в общем случае достаточно знать лишь три формы — инфинитив, 3 л. настоящего времени и 3 л. прошедшего однократного времени. Поэтому в настоящей работе меня будут интересовать лишь типы образования этих трёх форм, точнее, соотношение основ настоящего и прошедшего однократного времён с основой инфинитива, принимаемой в качестве исходной.

1.1. Основа инфинитива

Основа инфинитива получается из формы инфинитива отделением суффикса *-ti* и применением следующих чередований:

- (1) $KS \rightarrow SK$, где K — велярный (k, g), а S — дентальный или палатальный спирант ($s, z, š, ž$): *drīksti* ‘рваться’ \rightarrow *drīsk-* (*drīsko* ‘рвался’), *brėkšti* ‘светать’ \rightarrow *brėšk-* (*brėško* ‘светало’), *mėgzti* ‘вязать’ \rightarrow *mėzg-* (*mėzgė* ‘вязал’); глаголы с кластером *gž* в моём материале не представлены, но в принципе имеются, ср. *džėrėgžti* ‘трещать’ \rightarrow *džėrėžg-* ([DLKŽ 2000: 144]); наличие или отсутствие данного чередования должно отмечаться при всех глаголах с инфинитивом на *-KSti*;
- (2) $s \rightarrow t, d$; данное чередование происходит только у глаголов с основой прошедшего времени, оканчивающейся на *t* или *d*, и его наличие или отсутствие

должно фиксироваться при каждом глаголе с инфинитивом на *-sti*: *sésti* ‘сидиться’ → *séd-* (*sédo* ‘сидился’), *mèsti* ‘бросать’ → *mèt-* (*mètè* ‘бросал’), но *lèsti* ‘клеветать’ → *lès-* (*lèsè* ‘клеветал’); данному чередованию может сопутствовать также следующее изменение: $V^n \rightarrow Vn$, где V^n — так называемая «носовая гласная» (фонологически — долгая) *q, ɛ, j, y*: *galásti* ‘точить’ → *galánd-*, *grĩsti* ‘мостить улицу’ → *grĩnd-*, *kěsti* ‘терпеть’ → *keñt-*, *skústi* ‘жаловаться’ → *skùnd-*;

(3) $\emptyset \rightarrow t, d$; данное чередование происходит только у глаголов с основой прошедшего времени на *ST*, где *T* — дентальный смычный (*t, d*), и опять-таки должно отмечаться при всех глаголах с инфинитивом на *-Sti*: *brùzti* ‘взбудораживаться’ → *brùzd-* (*brùzdo* ‘взбудораживался’), *berǵžti* ‘яловеть’ → *berǵžd-* (*berǵždè* ‘яловел’), *druṁsti* ‘мутить’ → *druṁst-* (*druṁstè* ‘мутил’), *pruñkšti* ‘фыркать’ → *pruñkšt-* (*pruñkštè* ‘фыркал’).

Разумеется, запись чередований, предложенная только что, не вполне корректна, т. к. на самом деле именно перед суффиксом инфинитива *-ti* происходит метатеза *SK* → *KS*, диссимиляция *T* → *s*, выпадение *T* → \emptyset и т. д.

Нужно также отметить, что информацию, необходимую для того, чтобы установить, имеет ли место при образовании основы инфинитива то или иное чередование, легко получить, сравнив форму инфинитива с формой прошедшего времени.

1.2. Основа настоящего времени

Основа настоящего времени получается из формы 3 л. настоящего времени отсечением окончания *-a* (для целей данной работы удобнее считать, что *-a* здесь не относится к основе; обычно считается, что *-a* — либо показатель настоящего времени, либо тематический гласный, ср. [Булыгина 1977: 241 — 243, 251 — 252 и др.], [Амбразас 1985: 263], [Valeckienė 1998: 361 — 363], [Андронов 1999: 9 — 11], [Andronov 2000]) и применением следующего преобразования:

(4) $Ci-$ → $Cj-$ в конце основы, где *C* — любой согласный, кроме *č, dž*, которые преобразуются в *t, d*: *gveľbia* ‘крадёт’ → *gveľbj-*, *kóšia* ‘цедит’ → *kóšj-*, *kniěčia* ‘заботит’ → *kniětj-*, *léidžia* ‘пускает’ → *léidj-*.

1.3. Основа прошедшего времени

Основа прошедшего времени получается из формы 3 л. прошедшего однократного времени отсечением окончания *-o* или *-é*. В последнем случае проводится следующее преобразование:

(5) $\emptyset \rightarrow j$: *krañké* ‘каркал’ → *krañkj-*, *kléidè* ‘расточал’ → *kléidj-*.

1.4. Классификация типов образования основ

Выделенные три основы могут различаться по довольно большому числу признаков, перечисленных ниже.

1.4.1. Наличие или отсутствие форманта *-j-*

Формант *-j-* может присутствовать только в основах настоящего и прошедшего времени, причём возможны все виды комбинаций:

	Основа наст. вр.	Основа прош. вр.	Примеры
(1)	∅	∅	<i>bégti</i> — <i>bég-</i> , <i>bég-</i> ‘бежать’
(2)	∅	<i>j</i>	<i>gùlti</i> — <i>gùl-</i> , <i>gùlj-</i> ‘ложиться’
(3)	<i>j</i>	∅	<i>léisti</i> — <i>léidj-</i> , <i>léid-</i> ‘пускать’
(4)	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>verkti</i> — <i>verkj-</i> , <i>verkj-</i> ‘плакать’

Необходимо отметить, что для первичных глаголов чрезвычайно нехарактерен тип (3), широко представленный в производных лексемах (см. ниже, п. 1.5.)

1.4.2. Наличие назального инфикса

Назальный инфикс может характеризовать только основу настоящего времени. Он вставляется непосредственно после корневой гласной, и может претерпевать, в зависимости от типа следующей согласной, такие изменения:

(6) $n \rightarrow m/_P$ (где P — лабиальный смычный p, b): *dribti* ‘падать’ \rightarrow *drimb-*;
klùpti ‘спотыкаться’ \rightarrow *kluṁp-*;

Разумеется, в фонологических терминах корректнее говорить о том, что инфикс неспецифицирован по признаку «место образования» и приобретает его от следующей согласной.

(7) $Vn \rightarrow V^n/_S, R$ (где R — плавный r, l); иными словами, при вставлении инфикса в основы с такими фонологическими характеристиками происходит удлинение гласного корня: $a \rightarrow a, e \rightarrow e, i \rightarrow y, u \rightarrow \bar{u}$: *biùrti* ‘портиться’ \rightarrow *biūr-*,
brìgzti ‘обтрёпываться’ \rightarrow *brÿzg-*, *gèsti* ‘гаснуть’ \rightarrow *gēs-*, *sálti* ‘делаться сладким’
 \rightarrow *sāl-*.

Важно отметить, что если в основе настоящего времени есть назальный инфикс, то в ней уже не может быть форманта *-j-*, и наоборот. Таким образом, назальный инфикс возможен только в типах (1) и (2).

1.4.3. Наличие суффикса *-st-*

Суффикс *-st-* возможен только в основе настоящего времени. При его присоединении происходят следующие преобразования:

(8) $T \rightarrow \emptyset/_s$: *brēsti* ‘зреть’ → основа инфинитива *breñd-*, основа настоящего времени *brēst-* (сочетание Vn преобразуется по правилу (7));

(9) $s \rightarrow \emptyset/S_$: *blykšti* ‘бледнеть’ → *blykšt-*.

(10) $SK \rightarrow KS/_s$: *driksti* ‘рваться’ → основа инфинитива *drisk-*, основа настоящего времени (также с назальным инфиксом) *drykšt-* (< *dryks-st* < *driñsk-*

Следует также отметить, что перед суффиксом *-st-* не происходит чередование (7): *sénti* ‘стареть’ → основа инфинитива *sén-*, основа настоящего времени *sénst-* (а не **sést-*). Ср., однако, глагол *pažinti* ‘знать’, ‘быть знакомым’ → основа настоящего времени *pažíst-* (а не **pažinst-*).

Как и в случае с назальным инфиксом, наличие в основе настоящего времени суффикса *-st-* требует, чтобы в ней не было форманта *-j-*, и наоборот. При этом суффикс *-st-* может сочетаться с инфиксом (см. подробнее ниже, разд. 2.2.5.).

Необходимо отметить, что назальный инфикс и суффикс *-st-* фактически представляют собой одно словоизменительное средство, а не два, т. к. употребление каждого из них обусловлено морфонологическими свойствами основы (разумеется, эта обусловленность имеет место лишь в пределах того множества глаголов, которые вообще образуют основу настоящего времени с помощью одного из этих средств). Класс лексем, имеющих в основе презенса инфикс или суффикс *-st-*, распадается на три подкласса: глаголы, образующие основу настоящего времени с помощью инфикса *-n-*, с помощью суффикса *-st-* и с помощью обоих средств одновременно (об этом см. [Stang 1942: 132 — 133]). Распределение этих типов указано в таблице; V — гласный корня, C₁ — согласный, следующий непосредственно за V, C₂ — согласный, следующий за C₁. Скобки обозначают факультативность заключённого в них элемента.

V	C ₁	C ₂	тип	пример
краткий	смычный	(шумный)	<i>-n-</i>	<i>àkti</i> — <i>añka</i> ‘слепнуть’
долгий или дифтонг	любой		<i>-st-</i>	<i>nỹkti</i> — <i>nỹksta</i> ‘пропадать’, <i>tõlti</i> — <i>tõlsta</i> ‘отдаляться’
любой	носовой	(шумный)	<i>-st-</i>	<i>liñkti</i> — <i>liñksta</i> ‘гнуться’
краткий	спирант	—	<i>-n-,st-</i>	<i>mìšti</i> — <i>mỹšta</i> ‘смешиваться’
краткий	плавный	—	<i>-n-</i> , реже <i>-st-</i>	<i>sálti</i> — <i>sáļa, sálsta</i> ‘быть сладким’
любой	плавный	шумный	<i>-st-</i>	<i>mĩrkti</i> — <i>mĩrksta</i> ‘мокнуть’

Исключения из данного распределения единичны:

driksti ‘рваться’ — *dryksta*, вместо ожидаемого **dryška*;

mĩrti ‘умирать’ — *mĩršta*, вместо ожидаемого **mỹra* или **mĩršta*;

Глаголы с корнями, содержащими краткий гласный и оканчивающимися на плавный, в подавляющем большинстве случаев образуют основу настоящего времени с инфиксом,

однако имеются случаи вариативности, ср. уже упомянутый глагол *sálti* ‘становиться сладким’, а также

plérti ‘расшатываться’ — *plérsta, plėro*;

Очевидно, что подобное распределение показателей связано с имеющимися в литовском языке ограничениями на структуру слога: инфикс, превращающий краткий слог в долгий, не может вставляться в основы, уже содержащие долгий слог.

1.4.4. Наличие чередования $i \rightarrow e$

Чередование $i \rightarrow e$ возможно только в основе настоящего времени и только перед сонантами *r, l, n, m* (в том числе и перед назальным инфиксом): *brìsti* ‘брести’ → *breñd-*, *giñti* ‘гнать’ → *gėn-*, *mìlžti* ‘доить’ → *mėlž-*, *piřkti* ‘покупать’ → *peřk-*, *kiĩšti* ‘запихивать’ → *keĩš-*. Чередование $i \rightarrow e$ не встречается в основах настоящего времени с формантом *-j-* (за единственным исключением: *mìlžti* ‘доить’ — основа настоящего времени *mėlžj-*; правда, возможно, что это результат контаминации с синонимичным глаголом *mėlžti* — *mėlžj-*, см. также [Fraenkel 1962: 434]).

1.4.5. Сокращение корневой гласной

Сокращение корневой гласной встречается опять-таки только в основе настоящего времени. Оно выражается в следующих чередованиях:

(11) $o \rightarrow a, \acute{e} \rightarrow e, \bar{u} \rightarrow u$: *võgti* ‘воровать’ → *vãgj-*, *lėkti* ‘мчаться’ → *lėkj-*, *pũsti* ‘дуть’ — *pũtj-*; теоретически возможное чередование $*u \rightarrow i$ не засвидетельствовано.

Необходимо отметить, что сокращение гласной в основе настоящего времени отмечено только у глаголов типа (4), т. е. с формантом *-j-* и в настоящем, и прошедшем времени. Характерно также, что сокращение гласной возможно только в тех корнях, где после этой гласной идёт одиночный шумный (ср. разд. 1.4.7.).

1.4.6. Удлинение корневой гласной

Удлинение корневой гласной возможно только в основе прошедшего времени и только в корнях, оканчивающихся на одиночный сонант. Это следующие чередования:

(12) $a \rightarrow o, e \rightarrow \acute{e}, i \rightarrow y, u \rightarrow \bar{u}$: *kárti* ‘вешать’ → *kórij-*, *kėlti* ‘поднимать’ → *kėlj-*, *girtti* ‘хвалить’ → *gýrj-*, *dũmti* ‘дуть’ → *dũmj-*

Удлинение гласной возможно только в том случае, если основа прошедшего времени содержит формант *-j-*, т.е. в типах (2) и (4).

1.4.7. Замечание о сокращениях и удлинениях гласных

Как было отмечено в пп. 1.4.5. и 1.4.6., сокращение корневой гласной в основе настоящего времени и удлинения корневой гласной в основе прошедшего времени дополнительно распределены по типам основ:

Конечный согласный корня	Основа инфинитива	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени
шумный	<i>o, é, ū</i>	<i>a, e, u</i>	<i>o, é, ū</i>
сонант	<i>a, e, u, i</i>	<i>a, e, u, i</i>	<i>o, é, ū, y</i>

Можно отметить также, что ни одно из этих чередований не возможно в корнях, кончающихся на сочетание сонант+шумный. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что на самом деле здесь представлены не два различных чередования, а одно: либо (а) фонетически немотивированное сокращение гласной в основе настоящего времени, либо (b) опять-таки фонетически немотивированное удлинение краткой гласной в основах прошедшего времени и инфинитива (в последней также имеет место фонетически обусловленное сокращение долгой гласной перед кластером конечный сонант корня + *t* инфинитивного суффикса). Каждая из указанных трактовок имеет право на существование, причём, если с синхронной точки зрения, по-видимому, предпочтительнее (а), допускающая морфонологическое чередование только в одной из трёх основ, то исторически приемлемой является как раз (b), согласующаяся с представлением об удлинении кратких гласных в основе прошедшего времени (а инфинитив первичных глаголов образован от основы прошедшего времени, что проявляется и на синхронном уровне; см. [Stang 1942: 191 — 194, 211; 1966: 389 — 391]). Для целей моего исследования выбор именно одной из указанных трактовок необязателен; мне было важно показать лишь, что удлинение и сокращение корневой гласной — по сути дела, одно, а не два явления, причём, как и выбор между назальным инфиксом и суффиксом *-st-*, обусловленное ограничениями на слоговую структуру.

Из правила о сокращении долгой гласной перед кластером сонант+шумный есть небольшое число исключений, ср. *šėlti* ‘беситься’ с основой настоящего времени *šėlst-*, *stėrti* ‘цепенеть’ с основой настоящего времени *stėrst-* и некоторые другие. С другой стороны, имеются и иные примеры сокращения гласной в таком контексте: *pùlti* ‘падать’ → основа настоящего времени *púol-*, основа прошедшего времени *púolj-* с сокращением *uo* → *u/_lt*. По-видимому, данное правило было фонетическим в более ранний период истории литовского языка, а затем морфонологизовалось (см. [Амбразас (ред.) 1985: 26, 51 — 52], [Stang 1966: 77]).

1.4.8. Единичные преобразования

Имеется также очень небольшое число глаголов, образующих основы настоящего и прошедшего времён с помощью уникальных средств.

im̃ti ‘брать’ → основа настоящего времени *im-*, основа прошедшего времени *ẽmj-* с уникальным чередованием *i* → *ẽ*;

likti ‘оставаться’ → основа настоящего времени *liẽk-* с уникальным чередованием *i* → *ie*, основа прошедшего времени *lik-*;

mir̃ti ‘умирать’ → основа настоящего времени *mir̃št-* с уникальным чередованием *s* → *š* в суффиксе *-st-* (или, быть может, просто с уникальным суффиксом), основа прошедшего времени *mir̃j-*;

vir̃ti ‘кипеть’ → основа настоящего времени *vérd-* с уникальным формантом *-d-*, основа прошедшего времени *vir̃j-*.

Сюда же можно отнести и глагол *pùlti* с уникальным, хотя и морфонологически обусловленным чередованием (см. выше разд. 1.4.7.).

Таким образом, подавляющее большинство первичных глаголов с основой инфинитива на согласный образуют основы настоящего и прошедшего времён по регулярным моделям, в то время как подлинно «неправильных» глаголов имеются лишь единицы.

1.5. Парадигматические классы первичных глаголов

Как уже было отмечено в предыдущем разделе, не все средства, с помощью которых образуются основы настоящего и прошедшего времён литовских первичных глаголов, сочетаются друг с другом. Возможные сочетания этих средств приведены в таблице:

	(1)	(2)	(3)	(4)	-n-	-st-	<i>i</i> → <i>e</i>	сокр.	удл.
-n-	+	—	—	—		+	+	—	—
-st-	+	+	—	—	+		—	—	—
<i>i</i> → <i>e</i>	+	+	+	—	+	—		—	—
сокр.	—	—	—	+	—	—	—		—
удл.	—	+	—	+	—	—	—	—	

Примеры возможных типов (даётся условное обозначение, форма инфинитива и три основы — инфинитива, настоящего времени и прошедшего времени):

1: *augti* ‘расти’ — *aug-*, *áug-*, *áug-*;

1n: *àkti* ‘слепнуть’ — *àk-*, *aĩk-*, *àk-*; *biùrti* ‘портиться’ — *biùr-*, *biũr-*, *biùr-*;

1st: *blaĩkti* ‘бледнеть’ — *blaĩk-*, *blaĩkst-*, *blaĩk-*;

1i→e: *pir̃šti* ‘сватать’ — *pir̃š-*, *per̃š-*, *pir̃š-*;

1*n, st*: *tìžti* ‘размякать’ — *tìž-*, *tỳžt-*, *tìž-*;

1*n, i→e*: *skrìsti* ‘лететь’ — *skrìd-*, *skreñd-*, *skrìd-*;

2*st*: *gìmti* ‘рождаться’ — *gìmsta*, *gìmè*;

2*i→e*: *miñti* ‘помнить’ — *miñ-*, *mēn-*, *mìnj-*;

2удл.: *pìnti* ‘плести’ — *pìn-*, *pìn-*, *pýnj-*;

3: *léisti* ‘пускать’ — *léid-*, *léidj-*, *léid-*;

3*i→e*: *mìlžti* ‘доить’ — *mìlž-*, *mélžj-*, *mìlž-*;

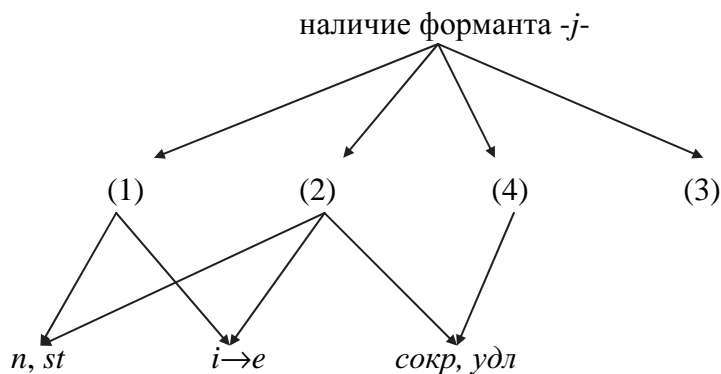
4: *bárti* ‘бранить’ — *bár-*, *bārij-*, *bārij-*;

4сокр.: *pũsti* ‘дуть’ — *pũt-*, *pùtj-*, *pũtj-*;

4удл.: *vémti* ‘тошнить’ — *vém-*, *vēmj-*, *vémj-*;

Итак, всего имеется четырнадцать парадигматических классов первичных глаголов с основой на согласный. Замечу, что они существенно различаются по количеству представленных в них глаголов: если классы (4), 1*n*, 1*st* содержат весьма большое количество лексем, то остальные подтипы довольно немногочисленны, а типы 2*st*, (3) и 3*i→e* вообще представлены каждый только одной-двумя лексемами (подробнее см. п. 2.6.).

Выделенные парадигматические классы, по-видимому, неравноправны и в другом отношении: одни из них могут считаться подклассами других из-за того, что признаки, их выделяющие, образуют иерархическую структуру такого вида:

Тем самым, можно выделить три основных класса первичных глаголов: (1), (2) и (4) (класс (3), как уже было сказано выше, явно маргинален), которые далее делятся на более дробные подклассы. Тем не менее, надо отметить, что подобная иерархическая структура ни в коей мере не предполагает, что внутри крупных классов глаголы распределяются по подклассам на основании каких-либо простых правил.

1.6. Заключение

В данном разделе были рассмотрены словоизменительные средства, с помощью которых образуются основы настоящего и прошедшего времён литовских первичных глаголов, а сами глаголы были расклассифицированы на основании того, какие из этих средств и в каких комбинациях они используют. Приведённые морфонологические правила и информация о словоизменительном типе лексемы позволяет правильно построить основы, от которых затем по общим правилам образуются все формы глаголов.

В следующем разделе будут рассмотрены семантические основания формальных противопоставлений, наблюдаемых в системе парадигматических классов первичных глаголов литовского языка.

2. Семантическая мотивация парадигматических классов первичных глаголов в литовском языке

2.0. Предварительные замечания

Как уже было сказано выше, синхронные грамматики литовского языка либо не ставят вопроса о мотивации (под мотивацией я имею в виду некоторую совокупность формальных или семантических признаков, на основании которых можно с разумной вероятностью предсказать, к какому из словоизменительных классов относится данная лексема) парадигматических классов глаголов, либо не дают на него приемлемого ответа. Попытку предложить распределение словоизменительных типов первичных глаголов на сугубо формальных основаниях, предпринятую в [Амбразас (ред.) 1985: 259 — 262] нельзя признать удачной — из предлагаемых правил слишком много исключений, а сами правила апеллируют то к фонетическому облику корня, то к изменениям, которые последний может претерпевать (а эта информация относится к тем явлениям, которые должны быть предсказаны, поэтому правила распределения не могут на неё ссылаться).

О распределении основных парадигматических классов литовских (и, шире, балтийских) первичных глаголов пишет Хр. Станг ([Stang 1942: 118, 131 — 132], [Stang 1966: 338 — 344, 356]): глаголы с формантом *-j-* в основе настоящего времени (т.е. те, что относятся к типу (4) и его подтипам) в своём большинстве переходные, а глаголы с назальным инфиксом или с суффиксом *-st-* (типы *1n*, *1st*) — напротив, непереходные, причём обозначают так называемые «пассивные» (в терминологии А. Зенна [Senn 1966: 266] «непереходно-инхоативные») состояния и процессы. То же пишет и Я. Эндзелин ([Endzelins 1948: 188, 192]). Однако указания такого рода не могут считаться вполне

удовлетворительными по двум причинам: во-первых, к закономерностям, сформулированным Стангом и другими исследователями имеется довольно большое количество нетривиальных исключений, во-вторых, ни Станг, ни Эндзелин ничего не говорят о возможной мотивации других парадигматических классов балтийских глаголов. Такого рода информация в довольно фрагментарном виде представлена в соответствующих разделах Академической грамматики [Ulvydas (red.) 1971: 219 — 235], однако там не постулируется никаких корреляций между формальными и семантическими свойствами лексем.

В данном разделе я попытаюсь показать, что словоизменительный тип литовского первичного глагола во многих случаях может быть предсказан исходя из семантики глагола. Разумеется, предлагаемое мною распределение ни в коей мере не является абсолютным, однако статистические корреляции, приводимые в п. 2.6., представляются удовлетворительными.

Применяемая здесь семантическая классификация глаголов основывается на работах [Булыгина 1982], [Lazard 1985], [Testelec 1998], хотя не повторяет в точности ни одну из них. Основным признаком используемой мною классификации является так называемая «семантическая переходность» предиката, располагающая все глаголы на непрерывной шкале от «семантических пассивов», например, ‘умирать’ (единственный участник ситуации — Пациенс, не контролирующей ситуацию, но в значительной степени затронутый ею) до «канонических переходных глаголов», например, ‘убивать’, (имеются два центральных участника, один из которых — Агенс — контролирует ситуацию, но не затронут ею, а другой — Пациенс — не контролирует ситуацию, но затронут ею в наибольшей степени), ср. [Hopper & Thompson 1980]. Среди промежуточных классов наиболее важным является класс непереходных агентивных глаголов, например, ‘идти’, единственный актанта которых контролирует ситуацию. Каждый из «полярных» типов глаголов составляет в литовском языке ядро одного из обширных парадигматических классов: переходные глаголы — класса (4), пациентивные непереходные глаголы — класса, образующего основу настоящего времени с инфиксом или с суффиксом *-st-*. Что же касается агентивных непереходных глаголов, то они входят в разные парадигматические классы, причём большинство их попадают в тип (4), т.е. трактуются языком так же, как переходные глаголы (сходная ситуация наблюдается в большом количестве неродственных друг другу языков, ср. хотя бы [Lazard 1985], [Shibatani 1998]).

Ниже приводятся все рассматриваемые первичные глаголы, с делением на парадигматические (рассматриваются не все возможные типы, а лишь наиболее крупные — (4), (2), (1), (n/st)) и семантические классы.

2.1. Глаголы типа (4)

Вопреки утверждению Хр. Станга о том, что почти все глаголы данного класса являются переходными, имеется довольно большой, и, по-видимому, открытый (я не учитываю диалектные данные, однако анализ даже небольшой части материала, содержащегося, например в этимологическом словаре [Fraenkel 1962], показывает, что таких глаголов существует несколько сот) список непереходных глаголов данного типа. Они, так же как и переходные глаголы, группируются в несколько более или менее чётко очерченных семантических зон. Рассмотрим переходные и непереходные глаголы данного класса по порядку.

2.1.1. Переходные глаголы

2.1.1.1. Глаголы создания и уничтожения

Сюда я отношу не только те глаголы, Пациенс которых в действительности создаётся или уничтожается Агенсом, но и те, в семантике которых можно усмотреть метафорические реализации данного значения, например, ‘заканчивать’, ‘заглушать’, ‘размножить’, равно как и глаголы потребления (‘есть’, ‘пить’ и т.д.).

áusti ‘ткать’ — *áudžia, áudè*;

baĩgti ‘заканчивать’ — *baĩgia, baĩgè*;

braũkti ‘вычёркивать’, ‘вытирать (слёзы)’ — *braũkia, braũkè*;

druĩsti ‘мутить’, ‘нарушать (покой)’ — *druĩscia, druĩstè*;

gèrti ‘пить’ — *gèria, gèrè*;

gõžti ‘заглушать’ (растения) — *gõžia, gõžè*;

guĩkti ‘глотать’ — *guĩkia, guĩkè*;

kléisti ‘расточать’, ‘растрчивать’ — *kléidžia, kléidè*;

kùrti ‘разводить (огонь)’, ‘создавать’, ‘основывать’ — *kùria, kùrè*;

neĩšti ‘метать (икру)’ — *neĩšia, neĩšè*;

siuĩbti ‘сосать’, ‘поглощать’, ‘впитывать’ — *siuĩbia, siuĩbè*;

skerĩsti ‘резать (скот)’ — *skerĩdžia, skerĩdè*;

smáugti ‘душить’, ‘угнетать’ — *smáugia, smáugè*;

smelĩkti ‘заглушать (о растениях)’ — *smelĩkia, smelĩkè*;

speĩgti ‘заглушать’ — *speĩgia, speĩgè*;

spésti ‘устанавливать (западню)’ — *spéndžia, spéndè*;
steĩgti ‘учреждать’, ‘основывать’ — *steĩgia, steĩgè*;
stel̃bti ‘заглушать’ — *stel̃bia, stel̃bè*;
tuõkti ‘сочетать браком’ — *tuõkia, tuõkè*;
ver̃pti ‘пряхать’ — *ver̃pia, ver̃pè*;
žiaũbti ‘есть, широко охватывая пастью’ — *žiaũbia, žiaũbè*;
žiēsti ‘лепить из глины’ — *žiēdžia, žiēdè*;
žlem̃bti ‘жрать’; ‘хныкать’ — *žlem̃bia, žlem̃bè*;
žliaũbti ‘жрать’ — *žliaũbia, žliaũbè*;
žluõbti ‘жрать’ — *žluõbia, žluõbè*.

2.1.1.2. Глаголы активного физического воздействия

Этот класс очень обширен; он включает глаголы деформации, обработки и т. п.

árti ‘пахать’ — *ãria, ãrè*;
blēsti ‘замешивать (муку)’ — *bleñdžia, bleñdè*;
brėžti ‘чертить’, ‘царапать’ — *brėžia, brėžè*;
briaũkšti ‘рвать’ — *briaũškia, briaũškè*;
čiąupti ‘сжимать (губы)’ — *čiaupia, čiaupè*;
čiułpti ‘сосать’ — *čiułpia, čiułpè*;
čiuopti ‘щупать’ — *čiuopia, čiuopè*;
čýžti ‘стегать’ — *čýžia, čýžè*;
daũbti ‘выдалбливать’ — *daũbia, daũbè*;
daũžti ‘бить’ — *daũžia, daũžè*;
dėrgti ‘гадить’, ‘осквернять’ — *dėrgia, dėrgè*;
diegti ‘сажать (растения)’, ‘колоть’ (о боли), ‘насаждать’ — *diegia, diegè*;
dirti ‘сдирать’, ‘сечь’ — *diria, dýrè*;
dýžti ‘пороть’, ‘бичевать’; ‘быстро идти’, ‘спешить’ — *dýžia, dýžè*;
dõbti ‘бить’ — *dõbia, dõbè*;
drėksti ‘царапать’, ‘рвать’ — *drėškia, drėškè*;
drem̃bti ‘топтать’ — *drem̃bia, drem̃bè*;
drėngti ‘изнашивать’ — *drėngia, drėngè*;
dróžti ‘строгать’, ‘вырезать’, ‘ударять’, ‘бить’; ‘быстро идти’ — *dróžia, dróžè*;
duõbti ‘выдалбливать’ — *duõbia, duõbè*;
glaũsti ‘прижимать’ (к груди) — *glaũdžia, glaũdè*;
glem̃žti ‘хватать’, ‘жрать’ — *glem̃žia, glem̃žè*;

gnýbti ‘щипать’ — *gnýbia, gnýbè*;
gráužti ‘грызть’ — *gráužia, gráužè*;
grébtì ‘сгребать’ — *grébia, grébè*;
grémžti ‘скрести’ — *grémžia, grémžè*;
grésti ‘скоблить’ — *gréndžia, gréndè*;
grēžti ‘сверлить’, ‘вертеть’, ‘выжимать’ — *grēžia, grēžè*;
jaũkti ‘смешивать’ — *jaũkia, jaũkè*;
kaĩsti ‘греть’ — *kaĩčia, kaĩtè*;
káišti ‘скоблить’, ‘чистить’ — *káišia, káišè*;
kařšti ‘чесать’ — *kařšia, kařšè*;
kaũšti ‘долбить’ — *kaũšia, kaũšè*;
keĩsti ‘менять’, ‘обменивать’ — *keĩčia, keĩtè*;
keřgi ‘соединять’, ‘случать (животных)’ — *keřgia, keřgè*;
kleĩpti ‘стаптывать (обувь)’, ‘искривлять’ — *kleĩpia, kleĩpè*;
kóšti ‘цедить’ — *kóšia, kóšè*;
kũlti ‘молотить’, ‘бить’ — *kũlia, kũlè*;
kiõpti ‘чистить (колодец)’ — *kiõpia, kiõpè*;
láužti ‘ломать’, ‘взводить (курок)’ — *láužia, láužè*;
leñkti ‘гнуть’, ‘обходить’, ‘мотать’ (нити), ‘уважать’, ‘обгонять’ — *leñkia, leñkè*;
liēsti ‘трогать’ — *liēčia, liētè*;
liēžti ‘лизать’ — *liēžia, liēžè*;
taũkti ‘лупить’, ‘пить (вино)’ — *taũkia, taũkè*;
meřkti ‘мочить’ — *meřkia, meřkè*;
mérkti ‘жмурить (глаза)’ — *mérkia, mérkè*;
mēšti ‘замешивать’ — *mēščia, mēštè*;
méžti ‘унавоживать’ — *méžia, méžè*;
miēšti ‘разбавлять’ — *miēšia, miēšè*;
nérti ‘вязать’, ‘плести’, ‘набрасывать’, ‘накидывать’, ‘лупить’; ‘нырять’, ‘мчаться’ — *nēria, nērè*;
niõkti ‘разрывать’, ‘мять’ — *niõkia, niõkè*;
paũkšti ‘грызть’ — *paũkščia, paũkštè*;
peřti ‘парить (в бане)’, ‘лупить’ — *pēria, pērè*;
pláuusti ‘полоскать’, ‘промывать’ — *pláudžia, pláudè*;
pléšti ‘рвать’, ‘грабить’, — *pléšia, pléšè*;

plíekti ‘бичевать’; ‘быстро идти’ — *plíekia, plíekè*;
plũkti ‘бить’, ‘тормбовать’, ‘трепать (лён)’ — *plũkia, plũkè*;
praũsti ‘мыть’ — *praũsia, praũsè*;
ráugti ‘квасить’, ‘солить’, ‘дубить’ — *ráugia, ráugè*;
raũkti ‘морщить’, ‘хмурить’, ‘затягивать’ — *raũkia, raũkè*;
raũsti ‘рыть’ — *raũsia, raũsè*;
rẽkšti ‘срывать’ — *rẽškia, rẽškè*;
rẽsti ‘надрубать’, ‘рубить’, ‘строить (из брёвен)’ — *reñcia, reñtè*;
rėžti ‘резать’, ‘ударять’ — *rėžia, rėžè*;
riėkti ‘резать’ — *riėkia, riėkè*;
riėsti ‘гнуть’, ‘сводить (руки)’, ‘мотать (ткань)’, ‘врать’ — *riėčia, riėtè*;
ruõpti ‘ковырять’, ‘долбить’ — *ruõpia, ruõpè*;
skal̃bti ‘стирать (бельё)’ — *skal̃bia, skal̃bè*;
skėlti ‘колоть’; ‘свистеть’ — *skėlia, skėlè*;
skíesti ‘разбавлять’, ‘разжижать’ — *skíedžia, skíedè*;
skleĩbti ‘обтёсывать’, ‘скашивать’ — *skleĩbia, skleĩbè*;
skõbti ‘долбить’, ‘рвать (траву)’ — *skõbia, skõbè*;
skrósti ‘потрошить’, ‘разрезать’ — *skródžia, skródè*;
slėgti ‘давить’, ‘жать’, ‘угнетать’ — *slėgia, slėgè*;
smaũkti ‘напяливать (шапку)’, ‘засучивать (рукава)’ — *smaũkia, smaũkè*;
smeĩgti ‘вонзать’, ‘втыкать’ — *smeĩgia, smeĩgè*;
smõgti ‘бить’ — *smõgia, smõgè*;
spáusti ‘жать’, ‘давить’, ‘теснить’, ‘угнетать’ — *spáudžia, spáudè*;
spìrti ‘лягнуть’, ‘подпирать’, ‘заставлять’, ‘настаивать’ — *spìria, spýrè*;
spráusti ‘впихивать’ — *spráudžia, spráudè*;
spreĩgti ‘втискивать’ — *spreĩgia, spreĩgè*;
sríegti ‘ввинчивать’ — *sríegia, sríegè*;
stũmti ‘толкать’ — *stũmia, stũmè*;
stvérti ‘хватать’ — *stvéria, stvére*;
suĩkti ‘цедить’, ‘выжимать’ — *suĩkia, suĩkè*;
šiáušti ‘взьерошивать (волосы)’ — *šiáušia, šiáušè*;
šveĩsti ‘лощить’, ‘лупить’, ‘жрать’ — *šveĩcia, šveĩtè*;
švir̃kšti ‘впрыскивать’ — *švir̃ščia, švir̃kštè*;
tel̃žti ‘мочить’, ‘бросать’, ‘ударять’ — *tel̃žia, tel̃žè*;

tem̃pti ‘тянуть’, ‘натягивать’ — *tem̃pia, tem̃pè*;
térpti ‘вставлять’ — *téripia, térpè*;
tiēsti ‘протягивать’, ‘выпрямлять’, ‘расстилать’ — *tiēsia, tiēsè*;
tráukti ‘тянуть’, ‘рвать’, ‘дуть’, ‘поглощать’, ‘притягивать’; ‘направляться’, ‘двигаться’ — *tráukia, tráukè*;
trēkšti ‘расплющивать’ — *trēškia, trēškè*;
trem̃pti ‘топтать’ — *trem̃pia, trem̃pè*;
trēšti ‘удобрять’, ‘унавоживать’ — *trēšia, trēšè*;
triaũkšti ‘грызть с треском’ — *triaũškia, triaũškè*;
trỹpti ‘топтать’ — *trỹpia, trỹpè*;
tveñkti ‘запруживать’ — *tveñkia, tveñkè*;
ur̃bti ‘бурить’, ‘долбить’ — *ur̃bia, ur̃bè*;
vēlti ‘валять (валенки)’, ‘мять (одежду)’ — *vēlia, vélé*;
ver̃sti ‘переворачивать’, ‘опрокидывать’, ‘превращать’, ‘заставлять’ — *ver̃čia, ver̃tè*;
ver̃žti ‘стягивать’, ‘жать’ — *ver̃žia, ver̃žè*;
žeĩsti ‘ранить’ — *žeĩdžia, žeĩdè*;
žiēbti ‘зажигать (свечу)’, ‘ударять’ — *žiēbia, žiēbè*;
žlēgti ‘отбивать (мясо)’, ‘кидать’ — *žlēgia, žlēgè*;
žnybti ‘щипать’ — *žnybia, žnybè*.

2.1.1.3. Глаголы, обозначающие каузацию движения или изменения положения в пространстве

beĩti ‘сыпать’ — *bēria, bērè*;
blōkšti ‘бросать’ — *blōškia, blōškè*;
deĩbti ‘потуплять (глаза)’ — *deĩbia, deĩbè*;
drēbti ‘бросать’ — *drēbia, drēbè*;
griēbti ‘хватать’ — *griēbè, griēbè*;
gróbtì ‘хватать’, ‘похищать’ — *gróbia, gróbè*;
gveĩbti ‘тащить’, ‘красть’ — *gveĩbia, gveĩbè*;
kárti ‘вешать’ — *kāria, kórè*;
kélti ‘поднимать’, ‘предъявлять’, ‘будить’, ‘открывать’, ‘закрывать’, ‘переправлять’, ‘перемещать’ ‘выселять’, ‘устраивать’, ‘возбуждать’ — *kēlia, kélé*;
kēsti ‘раздвигать’, ‘расширять’, ‘растопыривать’ — *kēčia, kētè*;
kreĩkti ‘трусить’, ‘стлать’ — *kreĩkia, kreĩkè*;

kreĩpti ‘направлять’, ‘кривить’ — *kreĩpia, kreĩpè*;
plēsti ‘расширять’, ‘распространять’ — *plēčia, plētè*;
siuĩsti ‘посылать’ — *siuĩčia, siuĩtè*;
skĩrti ‘отделять’, ‘различать’, ‘назначать’ — *skĩria, skĩrè*;
skleĩsti ‘распространять’, ‘развѣртывать’ — *skleĩdžia, skleĩdè*;
sprĩegti ‘бросать’, ‘пинать’ — *sprĩegia, sprĩegè*;
svĩesti ‘швырять’ — *svĩedžia, svĩedè*;
šlēkti ‘брызгать’ — *šlēkia, šlēkè*;
tēkšti ‘плескать’, ‘брызгать’, ‘бросать’, ‘ударять’ — *tēškia, tēškè*;
tremĩti ‘изгонять’ — *trēmia, trēmè*;
žerĩgti ‘растопыривать (ноги)’, ‘садиться верхом’ — *žerĩgia, žerĩgè*;
žerĩti ‘сыпать’, ‘загрэбать’ — *žeria, žerè*.

Сюда же, видимо, примыкает и глаголы

slēpti ‘прятать’, ‘скрывать’, ‘таить’ — *slēpia, slēpè*;
vōgti ‘красть’ — *vāgia, vōgè*.

2.1.1.4. Глаголы, обозначающие отрицательное физическое или эмоциональное воздействие на Пациенса

baĩsti ‘наказывать’, ‘штрафовать’, ‘заставлять’ — *baĩdžia, baĩdè*;
éngti ‘угнетать’ — *éngia, éngè*;
grēsti ‘грозить’ (в этом значении принимает дополнение в дативе), ‘отучивать’ — *grēsia, grēsè*;
kniēsti ‘заботить’ — *kniēčia, kniētè*;
níekti ‘пренебрегать’, ‘браковать’ — *níekia, níekè*;
skaũsti ‘обижать’, ‘оскорблять’ — *skaũdžia, skaũdè*;
skriaũsti ‘обижать’ — *skriaũdžia, skriaũdè*;
smeĩkti ‘осуждать’ — *smeĩkia, smeĩkè*;
šlemĩsti ‘засорять’ — *šlemĩčia, šlemĩštè*;
šmeĩžti ‘клеветать’ — *šmeĩžia, šmeĩžè*;
teĩšti ‘загрязнять’, ‘осквернять’, ‘бесчестить’ — *tēšia, teĩšè*;
trēkti ‘портить’, ‘тратить’, ‘расточать’ — *trēkia, trēkè*.

2.1.1.5. Глаголы речи и речевого воздействия

gĩrti ‘хвалить’ — *gĩria, gĩrè*;
gúosti ‘утешать’ — *gúodžia, gúodè*;
kéikti ‘ругать’, ‘проклинать’ — *kéikia, kéikè*;

kláusti ‘спрашивать’ — *kláusia, kláusé*;
kviēsti ‘приглашать’ — *kviēčia, kviēté*;
kvōsti ‘расспрашивать’ — *kvōčia, kvōtē*;
liēpti ‘велеть’, ‘предписывать’ — *liēpia, liēpē*;
mēlsti ‘умолять’ — *mēldžia, mēldé*;
niūkti ‘гонять’, ‘утомлять’; ‘ныть’, ‘тихо беседовать’ — *niūkia, niūkē*;
peīkti ‘порицать’ — *peīkia, peīkē*;
skēlbtī ‘объявлять’, ‘проповедовать’ — *skēlbia, skēlbē*;
skūsti ‘жаловаться’, ‘доносить’ — *skūndžia, skūndē*;
tārīti ‘произносить’, ‘предполагать’, ‘считать’ — *tāria, tārē*;
teīgti ‘утверждать’ — *teīgia, teīgē*.

2.1.1.6. Экспериментальные глаголы

geīsti ‘страстно желать’ — *geīdžia, geīdē*;
griaūsti ‘тосковать’, ‘созалеть’ (управляют дополнением в генитиве) —
griaūdžia, griaūdē;
jaūsti ‘чувствовать’, ‘ощущать’ — *jaūčia, jaūtē*;
kēsti ‘терпеть’ — *keñčia, keñtē*;
láukti ‘ждать’, ‘ожидать’ (управляет генитивом) — *láukia, láuķē*;
úosti ‘нюхать’, ‘чуть’ — *úodžia, úodē*;
suvókti ‘понять’ — *suvókia, suvókē*;
žvelgti ‘смотреть’, ‘глядеть’ — *žvelgia, žvelgē*.

2.1.1.7. Глаголы, описывающие каузацию изменения состояния Пациенса при помощи изменения его «ситуативного окружения»

būrti ‘объединять’ — *būria, būrē*;
deñgti ‘покрывать’, ‘накрывать’ — *deñgia, deñgē*;
gaūbti ‘покрывать’, ‘закутывать’, ‘гнуть’ — *gaūbia, gaūbē*;
glēbti ‘охватывать’ — *glēbia, glēbē*;
glóbtī ‘окутывать’, ‘обнимать’ — *glóbia, glóbē*;
góbtī ‘окутывать’, ‘покрывать’ — *góbia, góbē*;
jūngti ‘соединять’, ‘сочетать’ — *jūngia, jūngē*;
júosti ‘опоясывать’ — *júosia, júosē*;
puōšti ‘украшать’, ‘наряжать’ — *puōšia, puōšē*;
reñgti ‘готовить’, ‘устраивать’, ‘одевать’ — *reñgia, reñgē*;
rēpti ‘охватывать’ — *rēpia, rēpē*;

ruõšti ‘готовить’, ‘убирать (дом)’, ‘собирать’ — *ruõšia, ruõšè*;
siaũsti ‘окружать’, ‘окутывать’; ‘бушевать’, ‘шалить’ — *siaũčia, siaũtè*;
skliaũsti ‘делать свод’, ‘заключать в скобки’ — *skliaũčia, skliaũtè*;
speĩsti ‘тесно окружать’, ‘принуждать’ — *speĩčia, speĩtè*;
stíegti ‘крыть (крышу)’ — *stíegia, stíegè*;
vóžti ‘закрывать’, ‘ударять’ — *vóžia, vóžè*.

2.1.1.8. Глаголы, обозначающие процессы, осуществление которых сопровождается звуком

klũkti ‘клянчить’ — *klũkia, klũkè*;
pleĩpti ‘жадно пить’; ‘болтать’ — *pleĩpia, pleĩpè*;
pliaũpti ‘хлебать’; ‘литься струёй’, ‘болтать’ — *pliaũpia, pliaũpè*;
pliuĩpti ‘звучно хлебать’; ‘болтать’ — *pliuĩpia, pliuĩpè*;
srẽbti ‘хлебать’ — *srẽbia, srẽbè*;
sriuõbti ‘хлебать’ — *sriuõbia, sriuõbè*;
šniaũkšti ‘нюхать (табак)’ — *šniaũkščia, šniaũkštè*;
šniaũkti ‘нюхать (табак)’ — *šniaũkia, šniaũkè*;
šniĩrĩpti ‘сморкать’ — *šniĩrĩpščia, šniĩrĩpštè*;
šniuĩrĩkšti ‘сморкать’ — *šniuĩrĩkščia, šniuĩrĩkštè*.

2.1.1.9. Прочие переходные глаголы

deĩsti ‘медлить’ (управляет инфинитивной конструкцией) — *deĩsia, deĩsè*;
draũsti ‘запрещать’, ‘страховать’ — *draũdzia, draũdè*;
gerĩbti ‘уважать’, ‘убирать’, ‘чистить’ — *gerĩbia, gerĩbè*;
griõzti ‘обшаривать’ — *griõzdžia, griõzdè*;
griĩsti ‘мостить (улицу)’, ‘обосновывать’ — *griĩdzia, griĩdè*;
kvẽpti ‘вдыхать’, ‘вселять’, ‘внушать’ — *kvẽpia, kvẽpè*;
lèmti ‘решать’, ‘определять’, ‘судить’ — *lèmia, lèmè*;
liuõbti ‘кормить (животных)’ — *liuõbia, liuõbè*;
mélžti ‘доить’ — *mélžia, mélžè*;
piẽšti ‘рисовать’, ‘описывать’ — *piẽšia, piẽšè*;
pũsti ‘дуть’, ‘надувать’, ‘выпучивать’, ‘играть’ (на духовом инструменте) —
pũcia, pũtè;
réikšti ‘значить’, ‘высказывать’, ‘выражать’ — *réiškia, réiškè*;
remĩti ‘подпирать’, ‘поддерживать’ — *rèmia, rèmè*;
sèmti ‘черпать’, ‘наполнять’ — *sèmia, sèmè*;

síekti ‘достигать’, ‘доставать’ — *síekia, síekè*;
sprèsti ‘решать’, ‘судить’; ‘мчаться’ — *spréndžia, spréndè*;
šèlpti ‘помогать деньгами’ — *šèlpa, šèlpè*;
šerti ‘кормить (животных)’, ‘бить’ — *šèria, šèrè*;
švèsti ‘праздновать’ — *šveñčia, šveñtè*;
teikti ‘давать’, ‘доставлять’ (удовольствие) — *teikia, teikè*;
teisti ‘судить’ — *teisia, teisè*;
telkti ‘набирать’, ‘сосредоточивать’ — *telkia, telkè*;
tèsti ‘продолжать’, ‘тянуть’ — *tèsia, tèsè*;
tièkti ‘снабжать’, ‘готовить’, ‘питать’ — *tièkia, tièkè*;
tirti ‘исследовать’, ‘изучать’ — *tiria, tyrè*;
tvèrti ‘огораживать’, ‘перевязывать’ (рану), ‘вставлять’, ‘хватать’, ‘терпеть’; ‘сохраняться’ — *tvèria, tvèrè*;
tvièksti ‘ярко освещать’, ‘сверкать’ — *tvièskia, tvièskè*;
veisti ‘плодить’, ‘разводить (животных)’ — *veisia, veisè*;
vèngti ‘избегать’ — *vèngia, vèngè*.

2.1.2. Непереходные глаголы

2.1.2.1. Глаголы звука

Это в большинстве своём ономатопоэтические глаголы; они отличаются от близких им глаголов типа 2.1.1.8. тем, что как правило одновалентны. Субъектом таких глаголов может быть человек или животное, реже — объект неживой природы (как правило, лишь обладающие большей автономностью и склонные к антропоморфному одушевлению природные стихии, а также машины и механизмы; характерно, что в этот класс не входят глаголы со значениями ‘шелестеть (о листьях)’, ‘журчать’ и т. п.).

baũbti ‘реветь’, ‘мычать’ — *baũbia, baũbè*;
bim̃bti ‘жужжать’, ‘хныкать’ — *bim̃bia, bim̃bè*;
bir̃bti ‘жужжать’, ‘гудеть’, ‘хныкать’ — *bir̃bia, bir̃bè*;
bir̃gzi ‘жужжать’, ‘гудеть’ — *bir̃zia, bir̃zè*;
bleĩbti ‘гудеть’, ‘болтать’, ‘нести вздор’, ‘реветь’ — *bleĩbia, bleĩbè*;
brũgzi ‘гудеть’, ‘жужжать’ — *brũzia, brũzè*;
buĩbti ‘жужжать’ — *buĩbia, buĩbè*;
buĩgzi ‘жужжать’, ‘гудеть’ — *buĩzia, buĩzè*;
cũpti ‘пищать’, ‘визжать’ — *cũpia, cũpè*;
čèrkšti ‘стрекотать’ — *čèřškia, čèřškè*;

čiaũkšti ‘чавкать’, ‘болтать’, ‘пустословить’ — *čiaũškia, čiaũškė*;
čỹpti ‘пищать’, ‘визжать’ — *čỹpia, čỹpė*;
čĩr̃kšti ‘щебетать’, ‘чирикать’; ‘шипеть (на сковородке)’, ‘хлестать (о воде)’ —
čĩr̃škia, čĩr̃škė;
čĩr̃pti ‘верещать’ — *čĩr̃pia, čĩr̃pė*;
dũgzti ‘жужжать’, ‘гудеть’ — *dũzgia, dũzgė*;
gãrgti ‘хрипеть’, ‘сипеть’ — *gãrgia, gãrgė*;
gaũsti ‘гудеть’ — *gaũdžia, gaũdė*;
gẽrgžti ‘хрипеть’, ‘сипеть’ — *gẽrgždžia, gẽrgždė*;
griáusti ‘греметь’ — *griáudžia, griáudė*;
iĩgzti ‘скулить’, ‘визжать’ — *iĩzgia, iĩzgė*;
iĩkšti ‘скулить’, ‘визжать’ — *iĩkščia, iĩkštė*;
kaĩkti ‘клохтать’ — *kaĩkia, kaĩkė*;
kaũkti ‘выть’, ‘гудеть’ — *kaũkia, kaũkė*;
kiĩkti ‘кричать высоким голосом’ — *kiĩkia, kiĩkė*;
kliẽgti ‘визжать’, ‘кричать’ — *kliẽgia, kliẽgė*;
klỹkti ‘кричать’ — *klỹkia, klỹkė*;
knaĩkti ‘храпеть’ — *knaĩkia, knaĩkė*;
kniaũkti ‘мяукать’ — *kniaũkia, kniaũkė*;
kniĩkti ‘хныкать’, ‘пищать’ — *kniĩkia, kniĩkė*;
kraĩkšti ‘харкать’ — *kraĩkščia, kraĩkštė*;
kraĩkti ‘каркать’ — *kraĩkia, kraĩkė*;
krỹkšti ‘весело кричать’ — *krỹkščia, krỹkštė*;
krỹkti ‘крякать’ — *krỹkia, krỹkė*;
kriõkti ‘хрипеть’, ‘храпеть’, ‘реветь’, ‘мычать’ — *kriõkia, kriõkė*;
kriũkti ‘хрюкать’ — *kriũkia, kriũkė*;
kuĩkti ‘квакать’ — *kuĩkia, kuĩkė*;
kvaĩkti ‘квакать’, ‘крякать’ — *kvaĩkia, kvaĩkė*;
kvỹkti ‘визжать (о свиньях)’ — *kvỹkia, kvỹkė*;
miaũkti ‘мяукать’ — *miaũkia, miaũkė*;
mỹkti ‘мычать’ — *mỹkia, mỹkė*;
mũkti ‘мычать’ — *mũkia, mũkė*;
muĩkti ‘мурлыкать’ — *muĩkia, muĩkė*;
niaũgzti ‘мяукать’ — *niaũzgia, niaũzgė*;

niuŗgzti ‘ворчать’, ‘брюзжать’ — *niuŗzgia, niuŗzgé*;
ōšti ‘шуметь’, ‘гудеть (о лесе, море)’ — *ōšia, ōšé*;
piēpti ‘пищать’ — *piēpia, piēpé*;
pūpti ‘пищать’ — *pūpia, pūpé*;
pīŗpti ‘жужжать’, ‘гудеть’ — *pīŗpia, pīŗpé*;
pleŗkšti ‘трещать’ — *pleŗškia, pleŗšké*;
pleŗpti ‘трещать’, ‘гудеть’, ‘звучно хлебать’ — *pleŗpia, pleŗpé*;
pliaũkšti ‘болтать глупости’, ‘сквернословить’ — *pliaũškia, pliaũšké*;
pliuŗpti ‘звучно хлебать’, ‘болтать’ — *pliuŗpia, pliuŗpti*;
pruĩkšti ‘фыркать’ — *pruĩkščia, pruĩkšté*;
pũkšti ‘пыхтеть’, ‘тяжело дышать’ — *pũškia, pũšké*;
rēkti ‘кричать’ — *rēkia, rēké*;
speĩgti ‘звенеть’, ‘шуметь (в ушах)’ — *speĩgia, speĩgé*;
stáugti ‘выть’ — *stáugia, stáugé*;
suōkti ‘петь’, ‘щёлкать (о птицах)’ — *suōkia, suōké*;
suōpti ‘кричать’, ‘бредить’ — *suōpia, suōpé*;
sviŗpti ‘стрекотать’ — *sviŗpia, sviŗpé*;
šaiũkti ‘кричать’, ‘звать’ (в последнем значении глагол переходный) — *šaiũkia, šaiũké*;
šnaŗpšti ‘сопеть’, ‘храпеть’ — *šnaŗpščia, šnaŗpšté*;
šneŗkšti ‘сопеть’ — *šneŗkščia, šneŗkšté*;
šniōkšti ‘шуметь (о ветре, воде)’, ‘пыхтеть’ — *šniōkščia, šniōkšté*;
šnyŗpšti ‘шипеть’, ‘сморкать’ (в последнем значении переходный) — *šnyŗpščia, šnyŗpšté*;
švaĩkšti ‘тяжело дышать’, ‘сопеть’, ‘пыхтеть’ — *švaĩkščia, švaĩkšté*;
švaŗkšti ‘сипеть’, ‘сипло говорить’ — *švaŗkščia, švaŗkšté*;
šviļpti ‘свистеть’ — *šviļpia, šviļpé*;
švōkšti ‘шуметь’, ‘хрипеть’, ‘сопеть’ — *švōkščia, švōkšté*;
taũkšti ‘болтать’, ‘пустозвонить’ — *taũškia, taũšké*;
teŗkšti ‘трещать’, ‘гремять’ — *teŗškia, teŗšké*;
tuŗkšti ‘плескаться (об утках)’ — *tuŗškia, tuŗšké*;
tuŗkti ‘плескаться’ (об утках) — *tuŗkia, tuŗké*;
ũkti ‘гудеть’, ‘звучать’, ‘кричать’ — *ũkia, ũké*;
uĩkšti ‘визжать’, ‘скулить’ — *uĩkščia, uĩkšté*;

ur̃gzti ‘урчать’, ‘ворчать’ — *ur̃zgia, ur̃zgé*;
ũžti ‘шуметь (о лесе)’, ‘браниться’; ‘гулять’, ‘кутить’ — *ũžia, ũžé*;
ver̃kti ‘плакать’ — *ver̃kia, ver̃ké*;
zaũkti ‘всхлипывать’ — *zaũkia, zaũké*;
zir̃zti ‘жужжать’, ‘брюзжать’ — *zir̃zia, zir̃zé*;
zỹzti ‘жужжать’, ‘брюзжать’ — *zỹzia, zỹzé*;
zveĩbti ‘жужжать’ — *zveĩbia, zveĩbé*;
zvim̃bti ‘жужжать’ — *zvim̃bia, zvim̃bé*;
žliuĩbti ‘хныкать’ — *žliuĩbia, žliuĩbé*;
žvéngti ‘ржать’, ‘хохотать’ — *žvéngia, žvéngé*;
žviēgti ‘визжать’ — *žviēgia, žviēgé*.

2.1.2.2. Глаголы движения

В эту группу входят по преимуществу глаголы, обозначающие либо интенсивное быстрое движение (‘нестись’, ‘лететь’), либо движение, тем или иным образом охарактеризованное (‘бодро идти’, ‘тащиться’), т. е., в терминологии работы [Levin & Rapoport Novak 1990], глаголы способа движения (*manner of motion verbs*), во многих языках ведущие себя подобно переходным.

čiaũžti ‘скользить’ — *čiaũžia, čiaũžé*;
čiuõžti ‘скользить’, ‘бегать на коньках’ — *čiuõžia, čiuõžé*;
déngti ‘быстро бежать’, ‘нестись’ — *déngia, déngé*;
kópti ‘подниматься’, ‘лезть’, ‘вынимать (мёд у пчёл)’ (в последнем значении переходный) — *kópia, kópe*;
kuĩsti ‘быстро бежать’, ‘мчаться’ — *kuĩčia, kuĩté*;
lěkti ‘лететь’, ‘бежать’, ‘мчаться’, ‘падать’ — *lěkia, lěké*;
plaũkti ‘плыть’ — *plaũkia, plaũké*;
plum̃pti ‘тащиться’ — *plum̃pia, plum̃pé*;
plúošti ‘шагать’, ‘бодро идти’ — *plúošia, plúošé*;
sklěšti ‘парить’, ‘лететь’, ‘скользить’; ‘закрывать (двери)’ (в последнем употреблении переходный) — *skleñdžia, skleñdè*;
sliuõgti ‘ползти’, ‘лезть’ — *sliuõgia, sliuõgé*;
šliaũžti ‘ползти’, ‘скользить’ — *šliaũžia, šliaũžé*;
žeñgti ‘шагать’, ‘ступать’, ‘продвигаться’ — *žeñgia, žeñgé*.

2.1.2.3. Глаголы, обозначающие движение жидкости или природные явления

Характерно, что многие глаголы данной группы обозначают особо интенсивные процессы ('хлестать', 'бить ключом').

bliaũkti 'течь', 'струиться' — *bliaũkia, bliaũkè*;

čiuřkšti 'бить ключом', 'хлестать' — *čiuřškia, čiuřškè*;

dreņgti 'идти (о дожде со снегом)' — *dreņgia, dreņgè*;

druõkti 'моросить' — *druõkia, druõkè*;

dùmti 'дуть', 'мчаться' — *dùmia, dùmè*;

dveļkti 'дуть', 'веять' — *dveļkia, dveļkè*;

kliiaũkti 'литься', 'хлестать (о воде)'; 'жадно пить', 'хлебать' (в двух последних значениях переходный) — *kliiaũkia, kliiaũkè*;

kliõkti 'хлестать'; 'выливать' (в последнем значении переходный) — *kliõkia, kliõkè*;

žliaũgti 'литься струей' — *žliaũgia, žliaũgè*.

Видимо, сюда же можно отнести и следующие глаголы:

pliēksti 'ярко светить' — *pliēškia, pliēškè*;

pliēkti 'полахать', 'пылать' — *pliēkia, pliēkè*;

siaũbti 'бушевать'; 'опустошать' (в последнем значении переходный) — *siaũbia, siaũbè*.

2.1.2.4. Глаголы, обозначающие отрицательное физическое или эмоциональное состояние

gēlti 'болеть'; 'жалить (об осах)' (в последнем значении переходный) — *gēlia, gēlè*;

giēžti 'першить', 'щекотать (в горле)' — *giēžia, giēžè*;

maũsti 'болеть' — *maũdžia, maũdè*;

smēlkti 'колоть (о боли)' — *smēlkia, smēlkè*;

tvõksti 'болеть', 'зудеть'; 'лить', 'наливать' (в последних значениях переходный) — *tvõskia, tvõskè*;

vēmti 'тошнить', 'рвать' — *vēmia, vēmè*.

2.1.2.5. Глаголы, обозначающие деятельность человека

Некоторые глаголы этого класса могут сочетаться также и с субъектами-машинами.

brũžti 'трудиться', 'хлопотать' — *brũzdžia, brũzdè*;

bũrti 'гадать', 'колдовать' — *bũria, bũrè*;

knỹpti ‘возиться’, ‘кропотливо работать’ — *knỹpia, knỹpė*;

lõšti ‘играть (в карты или в лотерею)’ — *lõšia, lõšė*;

veĩkti ‘делать’, ‘функционировать’, ‘работать’ — *veĩkia, veĩkė*;

žaiĩsti ‘играть’ — *žaiĩdžia, žaiĩdė*.

2.1.2.6. Глаголы, обозначающие изменение состояния или положения в пространстве

berģžti ‘зреть’, ‘тратить’ (в последнем значении переходный) — *berģždžia, berģždė*;

dvėĩsti ‘околевать’ — *dvėĩsia, dvėĩšė*;

klaũpti ‘становиться на колени’ — *klaũpia, klaũpė*;

tĩpti ‘садиться (о птицах)’, ‘приседать (о людях)’, ‘спускаться (о самолёте)’ — *tĩpia, tĩpė*.

2.1.2.7. Прочие непереходные глаголы

dvõkti ‘вонять’ — *dvõkia, dvõkė*;

pláukti ‘колоситься’ — *pláukia, pláukė*;

reĩkti ‘быть нужным’, ‘требоваться’ — *reĩkia, reĩkė*;

snáuĩti ‘дремать’ — *snáuĩdžia, snáuĩdė*;

spiėĩsti ‘роиться (о пчёлах)’, ‘сосредоточивать’ (в последнем значении переходный) — *spiėĩčia, spiėĩtė*;

ĩviėĩsti ‘светить’, ‘просвещать’ (в последнем значении переходный) — *ĩviėĩčia, ĩviėĩtė*;

žėĩlti ‘расти’ — *žėĩlia, žėĩlė*.

2.1.3. Анализ приведённого материала

Глаголы данного словоизменительного типа распадаются на два больших семантико-синтаксических класса: переходные и непереходные. Ниже я попытаюсь показать, что значительная часть непереходных глаголов, входящих в рассматриваемый тип, обладают рядом свойств, характерных для переходных глаголов (отмечу, что вопрос о наличии в литовском языке противопоставления так называемых «неаккузативных» и «неэргативных» глаголов [Perlmutter 1978, Levin & Rapoport-Novav 1995, Сибатани 1999], которое отчасти коррелирует с делением непереходных предикатов, соответственно, на пациентивные и агентивные, в данной работе не ставится и требует отдельного исследования; ср. [Timberlake 1982]).

Некоторые из приведённых выше глаголов обладают такими особенностями синтаксического поведения, которые свойственны также и «каноническим» переход-

ным глаголам, в частности, способностью управлять прямым дополнением в аккумулятиве (примеры взяты из [DLKŽ 2000]):

(i) глаголы звука:

blerbti niekus ‘болтать чепуху’

paršai čiauškia grūdus ‘поросята, чавкая, поедает зёрна’

kurkia nei šj, nei tq ‘бормочет ни то, ни сё’

kažką niurzgia panosėj ‘он что-то ворчит себе под нос’

(ii) некоторые глаголы отрицательного физического или эмоционального состояния обычно выступают в безличной конструкции с дополнением в аккумулятиве:

dantį maudžia ‘ноет зуб’

gurklę giežia ‘першит в горле’

глаголы данной группы допускают и непереходное употребление:

galvą // galva gelia ‘голова болит’

Кроме того, значительная часть рассматриваемых глаголов обозначает “активные” процессы, контролируемые Субъектом (глаголы движения, деятельности, многие глаголы звука), либо интенсивные явления природы, что также приближает их к переходным глаголам.

Таким образом, можно выделить семантическую доминанту данного парадигматического класса — агентивность; глаголы, входящие в тип (4), либо переходны, либо обозначают потенциально переходные ситуации (например, глаголы звука, описывающие создание некоторого объекта, хотя и нематериального, но доступного органам чувств; сюда же можно отнести и прочие глаголы с субъектом-«эмитентом», такие как *dvõkti* ‘вонять’ и *švięsti* ‘светить’; такие глаголы регулярно ведут себя подобно переходным во многих языках, ср. [Lazard 1985, Levin & Rapoport Novav 1995: 138 — 142]), либо обозначают агентивные ситуации, либо ведут себя как синтаксические переходные глаголы (многие глаголы отрицательного физического состояния оформляют Пациенс как прямое дополнение, а не как подлежащее).

Несмотря на сказанное, среди приведённого материала есть незначительное количество типичных непереходных глаголов, единственный актант которых — Пациенс, выступающий в синтаксической роли подлежащего: *dvęsti* ‘дохнуть’, ‘издыхать’, ‘околевать’, *pláukti* ‘колоситься’, *snáuсти* ‘дремать’.

Следует также отметить, что непереходные глаголы данного типа обладают некоторыми общими формальными особенностями: все они имеют в корне либо долгий

гласный, либо дифтонг, либо сочетание гласный+сонант (такая морфонологическая структура характерна и для переходных глаголов), и кроме того, за редкими исключениями, циркумфлексную интонацию на корне (т.е. подвижное ударение в настоящем и прошедшем времени). Этот морфонологический признак, однако, не является для них характеризующим, поскольку он встречается и в других парадигматических классах.

2.2. Глаголы с назальным инфиксом и с суффиксом *-st-*

Данный тип весьма многочислен и делится на несколько семантических классов, включающих почти исключительно непереходные глаголы.

2.2.1. Пациентивные непереходные глаголы, обозначающие неконтролируемые состояния и процессы

àkti ‘слепнуть’, ‘зарастать (об озере, пруде)’ — *añka, àko*;

álkti ‘голодать’ — *álksta, álko*;

ałpti ‘лишаться чувств’ — *ałpsta, ałpo*;

áušti ‘остывать’, ‘охлаждаться’ — *áušta, áušo*;

aũšti ‘светать’ — *aũšta, aũšo*;

bálti ‘белеть’, ‘бледнеть’ — *bãla, bãlo*;

bam̃bti ‘вздуваться’, ‘разбухать’, ‘околевать’ — *bam̃bsta, bam̃bo*;

biñgti ‘укореняться’, ‘застаревать (о болезни)’, ‘шуметь’ — *biñgsta, biñgo*;

bìrti ‘сыпаться’ — *bÿra, bìro*;

biùrti ‘портиться’ — *biũra, biùro*;

blañkti ‘бледнеть’, ‘гаснуть’ — *blañksta, blañko*;

blésti ‘гаснуть’, ‘потухать’, ‘догорать’ — *blésta, bléso*;

blÿkšti ‘бледнеть’ — *blÿkšta, blÿško*;

blĩsti ‘смеркаться’, ‘истрепываться’ — *blĩsta, bliñdo*;

bliũkšti ‘сплющиваться’ — *bliũkšta, bliũško*;

blōgti ‘худеть’, ‘ухудшаться’ — *blōgsta, blōgo*;

blũkti ‘выцветать’, ‘линять’ — *bluñka, blũko*;

brángti ‘дорожать’ — *brángsta, brángo*;

brékti ‘рассветать’, ‘смеркаться’ — *bréкта, bréško*;

brésti ‘зреть’, ‘спеть’, ‘назревать (о событиях)’ — *brésta, bréndo*;

brēsti ‘гнить (о дереве)’ — *brēsta, breñto*;

brìgzi ‘трепаться’, — *brÿzga, brìzgo*;

brìnkzi ‘набухать’, ‘засыхать’ — *brìnksta, brìnko*;

bũkti ‘затупляться’ — *buñka, bũko*;

bùsti ‘пробуждаться’, ‘просыпаться’ — *buñda, bùdo*;
čìurti ‘пачкаться’ — *čìũra, čìuro*;
dýgti ‘произрастать’, ‘всходить’ — *dýgsta, dýgo*;
dýkti ‘избаловываться’ — *dýksta, dýko*;
dìlti ‘истираться’, ‘медлить’ — *dýla, dìlo*;
diñgti ‘исчезать’ — *diñgsta, diñgo*;
diržti ‘твердеть’, ‘черстветь’ — *diržta, diržo*;
drékti ‘сыреть’, ‘увлажняться’ — *dréksta, dréko*;
dribti ‘падать’, ‘разваливаться’, ‘размякать’ — *driñba, dribo*;
drikti ‘рваться’ — *dryksta, driško*;
druñgti ‘теплеть’ — *druñgsta, druñgo*;
dùbti ‘вваливаться’, ‘оседать’ — *dum̃ba, dùbo*;
dũkti ‘беситься’ — *dũksta, dũko*;
dùlkti ‘пылиться’ — *dùlksta, dùlko*;
dùlti ‘тлеть’, ‘трухляветь’ — *dũla, dùlo*;
dùsti ‘задыхаться’ — *dũsta, dùso*;
dùžti ‘разбиваться’ — *dũžta, dùžo*;
dvìsti ‘протухать’ — *dvÿsta, dvìso*;
geĩbti ‘чахнуть’, ‘хиреть’ — *geĩbsta, geĩbo*;
gełsti ‘желтеть’ — *gełsta, gełto*;
gèsti 1 ‘портиться’ — *geñda, gèdo*;
gèsti 2 ‘гаснуть’, ‘тухнуть’, — *gèsta, gèso*;
gĩłbti ‘выздоровливать’ — *gĩłbsta, gĩłbo*;
gìmti ‘рождаться’ — *gìmsta, gìmé*;
gižti ‘киснуть’, ‘прокисать’ — *gižta, gižo*;
glèbti ‘дрябнуть’, ‘вянуть’ — *gleñba, glèbo*;
glérti ‘расшатываться’ — *glèra, gléro*;
glèžti ‘вянуть’ — *glèžta, glèžo*;
glisti ‘покрываться слизью’, ‘становиться липким’ — *gliñta, glito*;
grùbti ‘коченеть’, ‘грубеть’ — *grum̃ba, grùbo*;
grùzti ‘тлеть’, ‘подгорать’ — *grũzda, grùzdo*;
gùbti ‘гнутья’ — *gum̃ba, gùbo*;
guřsti ‘хиреть’, ‘медлить’ — *guřsta, guřdo*;
gùrti ‘крошиться’ — *gũra, gùro*;

gùsti ‘привыкать’ — *guñda, gùdo*;
gvaĩbti ‘падать в обморок’ — *gvaĩbsta, gvaĩbo*;
gvérti ‘расшатываться’ — *gvěra, gvěro*;
ìžti ‘трескаться’ — *ỳžta, ìžo*;
juõsti ‘чернеть’ — *juõsta, juõdo*;
kaĩsti ‘нагреваться’, ‘потеть’, ‘краснеть’, ‘тлеть’ — *kaĩsta, kaĩto*;
kaĩsti ‘горкнуть’ — *kaĩsta, kaĩto*;
káršti ‘дряхлеть’ — *káršta, káršo*;
kaĩšti ‘пьянеть’, ‘хмельеть’ — *kaĩšta, kaĩšo*;
keĩpti ‘чахнуть’, ‘хиреть’ — *keĩpsta, keĩpo*;
kérti ‘отделяться (о коре)’ — *kěra, kěro*;
kìmti ‘хрипнуть’ — *kìmsta, kìmto*;
kiùrti ‘продырявливаться’ — *kiùra, kiùro*;
kiùžti ‘разбиваться’, ‘трескаться (о яйцах)’ — *kiùžta, kiùžo*;
klaĩkti ‘шалеть’, ‘дуреть’ — *klaĩksta, klaĩko*;
klèbti ‘расшатываться’ — *klem̃ba, klèbo*;
klérti ‘расшатываться’ — *klěra, klěro*;
klibti ‘шататься’, ‘расшатываться’ — *klim̃ba, klibo*;
klim̃pti ‘вязнуть’ — *klim̃psta, klim̃po*;
klỹpti ‘искривляться’, ‘стаптываться’ — *klỹpsta, klỹpo*;
klĩrti ‘расшатываться’ — *klỹra, klĩro*;
klýsti ‘ошибаться’ — *klýsta, klýdo*;
klišti ‘становиться кривоногим’, ‘искривляться (о ногах)’ — *klỹšta, klĩšo*;
klùpti ‘спотыкаться’, ‘запинаться’ — *klum̃pa, klùpo*;
kniùbti ‘падать на колени’, ‘склоняться’ — *knium̃ba, kniùbo*;
knùpti ‘спотыкаться’ — *knum̃pa, knùpo*;
krikti ‘рассеиваться’, ‘рассыпаться’ — *kriñka, kriko*;
kriõšti ‘дряхлеть’ — *kriõšta, kriõšo*;
krỹpti ‘клониться’, ‘поворачиваться’ — *krỹpsta, krỹpo*;
kristi ‘падать’, ‘дохнуть’ — *kriñta, krìto*;
kum̃pti ‘кривиться’, ‘изгибаться’ — *kum̃psta, kum̃po*;
kuĩsti ‘глохнуть’ — *kuĩsta, kuĩto*;
kvaĩsti ‘дуреть’, ‘кружиться (о голове)’ — *kvaĩta, kvaĩto*;
kvaĩšti ‘дуреть’, ‘глупеть’, ‘кружиться (о голове)’ — *kvaĩšta, kvaĩšo*;

leĩpti ‘млеть’ — *leĩpsta, leĩpo*;
lèpti ‘изнеживаться’ — *leĩpra, lèpo*;
lèpti ‘вянуть’, ‘отвисать’ — *lèpsta, lèpo*;
lýgti ‘выравниваться’ — *lýgsta, lýgo*;
lĩmti ‘ломаться’ — *lĩmsta, lĩmo*;
liĩkti ‘гнутья’ — *liĩksta, liĩko*;
lĩpti ‘липнуть’ — *lĩĩpra, lĩpo*;
lýsti ‘тощать’ — *lýsta, lýso*;
liũsti ‘опечаливаться’ — *liũsta, liũdo*;
lũžti ‘ломаться’ — *lũžta, lũžo*;
maĩgti ‘пестреть’ — *maĩgsta, maĩgo*;
màžti ‘уменьшаться’ — *màžta, màžo*;
mèlti ‘синеть’ — *mèlsta, mèlo*;
meĩkti ‘слабеть’ — *meĩksta, meĩko*;
mĩgti ‘засыпать’ — *mĩĩga, mĩgo*;
miĩkti ‘мокнуть’ — *miĩksta, miĩko*;
mĩšti ‘смешиваться’, ‘сходить с ума’ — *mũšta, mĩšo*;
mũkti ‘вылезать (о волосах)’, ‘слезать (о коже)’, ‘вязнуть’, ‘бежать’ — *miĩka, mũko*;
nĩgzi ‘вывихиваться’ — *nũzga, nĩzgo*;
nũkti ‘исчезать’, ‘чахнуть’ — *nũksta, nũko*;
nĩĩsti ‘ожесточаться’, ‘приходить в ярость’ — *nĩĩsta, nĩro*;
nĩĩsti ‘ожесточаться’, ‘приходить в ярость’ — *nĩĩsta, nĩĩšo*;
niũkti ‘хмуриться’, ‘становиться пасмурным’ — *niũĩka, niũko*;
niũrti ‘хмуриться’, ‘мрачнеть (о настроении)’ — *niũra, niũro*;
nókti ‘созревать’, ‘зреть’ — *nóksta, nóko*;
paĩkti ‘глупеть’ — *paĩksta, paĩko*;
paĩpti ‘разбухать’, ‘пучить’ (в последнем употреблении переходный) — *paĩpsta, paĩpo*;
pĩgti ‘дешеветь’ — *pĩĩga, pĩgo*;
plékti ‘плесневеть’ — *pléksta, pléko*;
plérti ‘расшатываться’ — *plérsta, plèro*;
plĩkti ‘лысеть’, ‘обнажаться’ — *plĩĩka, plĩko*;
plĩsti ‘распространяться (о запахе, новостях и т.п.)’ — *plĩĩta, plĩto*;

plýšti ‘трескаться’, ‘лопаться’, ‘рваться’ — *plýšta, plýšo*;
pliùkšti ‘опадать (о нарыве)’, ‘спадать’ — *pliùška, pliùško*;
pliùpti ‘литься струёй’ — *pliùpra, pliùpo*;
plústi ‘литься’, ‘разливаться’, ‘валить (о толпе)’; ‘ругать’ — *plústa, plúdo*;
pràsti ‘привыкать’ — *prañta, prāto*;
pùsti ‘вздуться’, ‘пухнуть’ — *puñta, pùto*;
raĩbti ‘пестреть’, ‘рябить’ — *raĩbsta, raĩbo*;
ráišti ‘хрометь’ — *ráišta, ráišo*;
ràkti ‘закупориваться’ — *rañka, rāko*;
raũsti ‘краснеть’ — *raũsta, raũdo*;
rìgzti ‘путаться’, ‘переплетаться’, ‘приставать’ — *rỹzga, rìzgo*;
rýkšti ‘трепаться (об одежде)’, ‘проявляться’ — *rýkšta, rýško*;
rikti ‘ошибаться’ — *riñka, rìko*;
rimti ‘утихать’, ‘переставать’, ‘успокаиваться’ — *rimsta, rimo*;
rũgti ‘киснуть’, ‘бродить (о напитках)’ — *rũgsta, rũgo*;
rũkti ‘дымиться’, ‘коптеть’, ‘мчаться’ — *rũksta, rũko*;
rùsti ‘буреть’ — *ruñda, rùdo*;
sálti ‘делаться сладким’ — *sāla // sálsta, sālo*;
saũsti ‘высыхать’ — *saũsta, saũso*;
sèkti ‘убывать’, ‘иссякать’, ‘истощаться’ — *señka, sēko*;
sénti ‘стареть’ — *sénsta, sēno*;
sĩłpti ‘слабеть’ — *sĩłpsta, sĩlpo*;
sĩrpti ‘спеть’, ‘созревать (о ягодах)’ — *sĩrпsta, sĩrpo*;
siùsti ‘бесноваться’ — *siuñta, siùto*;
skárti ‘обтрёпываться’, ‘трепаться’ — *skāra, skāro*;
skēsti ‘тонуть’ — *skēsta, skeñdo*;
skìlti ‘раскалываться’, ‘трескаться’ — *skỹla, skìlo*;
skĩršti ‘трескаться’, ‘лопаться’ — *skĩrsta, skĩrdo*;
sklìsti ‘распространяться’ — *skliñda, sklìdo*;
sklýsti ‘растекаться’ — *sklýsta, sklýdo*;
skóbtì ‘киснуть’ — *skóbstà, skóbo*;
skrèsti ‘покрываться грязью’ — *kreñta, skrèto*;
skrùsti ‘подгорать’, ‘подрумяниваться’ — *skruñda, skrùdo*;
skuřsti ‘нуждаться’, ‘бедствовать’ — *skuřsta, skuřdo*;

skùrti ‘обдираться’, ‘обтрёпываться’ — *skũra, skùro*;
slýsti ‘скользить’ — *slýsta, slýdo*;
slópti ‘задыхаться’, ‘затухать’ — *slópsta, slópo*;
slúgti ‘падать’, ‘понижаться (о воде)’ — *slúgsta, slúgo*;
smègti ‘проваливаться’, ‘оседать’ — *smèñga, smègo*;
smìgti ‘вонзаться’ — *smiñgo, smìgo*;
smĩłkti ‘тлеть’, ‘дымиться’ — *smĩłksta, smĩłko*;
smùkti ‘сползать’, ‘оседать’, ‘падать’, ‘разоряться’, ‘понижаться’, ‘вылезать (о волосах)’ — *smiñka, smùko*;
smùłkti ‘мельчать’ — *smùłksta, smùłko*;
snìgti ‘идти (о снеге)’ — *sniñga, snìgo*;
snũsti ‘задремать’ — *snũsta, snũdo*;
spañgti ‘слепнуть’ — *spañgsta, spañgo*;
spĩsti ‘сиять’, ‘светиться’ — *spĩsta, spìndo*;
sprĩngti ‘давиться’, ‘захлёбываться’ — *sprĩngsta, sprĩngo*;
sprógti ‘взрываться’, ‘лопаться’, ‘распускаться (о почках, листьях)’, ‘издыхать (о животных)’; ‘жрать’ (в последнем употреблении переходный) — *sprógsta, sprógo*;
sprũsti ‘выскальзывать’ — *sprũsta, sprũdo*;
spùrti ‘обтрёпываться’ — *spũra, spùro*;
stalbt̃i ‘выдыхаться (о пиве)’ — *stalbsta, stalbo*;
stẽrti ‘цепенеть’ — *stẽrsta, stẽro*;
stìgti ‘недоставать’, ‘нуждаться’ — *stiñga, stìgo*;
stìngti ‘стынуть’, ‘коченеть’ — *stìngsta, stìngo*;
stìpti ‘околевать’, ‘коченеть’ — *stimpa, stìpo*;
stìrti ‘коченеть’, ‘мёрзнуть’ — *stỹra, stìro*;
strìgti ‘застревать (в горле)’ — *striñga, strìgo*;
stulbt̃i ‘поражаться’, ‘столбенеть’ — *stulbsta, stulbo*;
suñkti ‘тяжелеть’ — *suñksta, suñko*;
sùsti ‘паршиветь’, ‘сохнуть (о растениях)’, ‘нищать’ — *sũsta, sùso*;
svaĩgti ‘пьянеть’, ‘кружиться (о голове)’ — *svaĩgsta, svaĩgo*;
sveĩkti ‘выздоровливать’ — *sveĩksta, sveĩko*;
svìrti ‘наклоняться’ — *svỹra, svìro*;
šálti ‘мёрзнуть’, ‘морозить (о погоде)’ — *šãla, šãlo*;

- šàšti* ‘паршиветь’ — *šq̃šta, šāšo*;
šèpti ‘обрастать (волосами)’ — *šēpra, šēpo*;
šìlti ‘теплеть’, ‘нагреваться’ — *šyla, šilo*;
šìpti ‘притупляться’ — *šimpra, šìpo*;
šiùrti ‘ерошиться’, ‘истрѣпываться’ — *šiūra, šiuro*;
šlàpti ‘мокнуть’ — *šlampra, šlàpo*;
šùsti ‘преть’ — *šuišta, šùto*;
šviñkti ‘протухать’ — *šviñksta, šviñko*;
švìsti ‘светать’ — *švišta, švìto*;
tèkti ‘доставаться’, ‘падать’ — *teñka, tèko*;
témti ‘темнеть’, ‘вечереть’ — *témsta, tēmo*;
tìkšti ‘брызгать’ — *týška, tìško*;
tìkti ‘годиться’, ‘нравиться’, ‘соглашаться’ (требуется дополнения в дательном падеже) — *tiiška, tìko*;
týkti ‘утихать’, ‘умолкать’ — *týksta, týko*;
tìlkti ‘утихать’ — *tìlksta, tìlko*;
tìłpti ‘помещаться’ — *tìłpsta, tìłpo*;
tìlti ‘замолкать’, ‘стихать’ — *tyla, tìlo*;
tìłžti ‘мокнуть’, ‘размякать’ — *tìłžta, tìłžo*;
tìnti ‘пухнуть’ — *tìnsta, tìno*;
tìrpti ‘таять’, ‘растворяться’, ‘плавиться’, ‘неметь (о конечностях)’ — *tìr̃psta, tìr̃po*;
tìšti ‘тянуться’, ‘удлиняться’ — *tìšta, tìšo*;
tìžti ‘размякать’, ‘становиться вялым’, ‘расплываться’ — *týžta, tìžo*;
tòlti ‘удаляться’ — *tòlsta, tòlo*;
trèšti ‘гнить’, ‘преть’ — *trēšta, trēšo*;
trýkšti ‘хлестать (о жидкости)’, ‘брызгать’ — *trýkšta, trýško*;
trìkti ‘нарушаться’, ‘смешиваться’ — *triñka, trìko*;
trókšti ‘хотеть пить’, ‘задыхаться’, ‘жаждать’ — *trókšta, tróško*;
trùkti ‘продолжаться’, ‘длиться’ — *truñka, trùko*;
trúkti ‘недоставать’, ‘лопаться’, ‘рваться’ — *trúksta, trúko*;
tùkti ‘жиреть’ — *tuñka, tùko*;
tułžti ‘мокнуть’ — *tułžta, tułžo*;
tvìlkti ‘обвариваться’, ‘преть’ — *tvìlksta, tvìlko*;

tviñkti ‘нарывать’, ‘набухать’ — *tviñksta, tviñko*;
tvìnti ‘выходить из берегов’, ‘прибывать (о воде)’ — *tvìnsta, tvìno*;
tvìrkti ‘развращаться’, ‘избаловываться’ — *tvìrksta, tvìrko*;
vařgti ‘бедствовать’, ‘мучиться’ — *vařgsta, vařgo*;
věpti ‘выпячиваться (о губах)’ — *věpsta, věpo*;
věsti ‘остывать’, ‘охлаждаться’ — *věsta, vēso*;
vir̃sti ‘опрокидываться’, ‘валить (о дыме, толпе и т.п.)’, ‘превращаться’ — *vir̃sta, vir̃to*;
výsti ‘вянуть’ — *výsta, výtó*;
žabálti ‘слепнуть’ — *žabāla, žabālo*;
žil̃pti ‘темнеть в глазах’, ‘рябить’ — *žil̃psta, žil̃po*;
žilti ‘сесть’ — *žyla, žilo*;
žlibti ‘слепнуть’ — *žlim̃ba, žlibo*;
žliùgti ‘мокнуть’ — *žliuñga, žliùgo*;
žlùgti ‘проваливаться’, ‘гибнуть’ — *žluñga, žlùgo*;
žvařbti ‘мёрзнуть’ — *žvařbsta, žvařbo*;
žvilti ‘клониться’ — *žvyla, žvilo*.

Сюда же, видимо, относится и глагол

mĩrti ‘умирать’ — *mĩr̃sta, mĩr̃e*.

2.2.2. Непереходные глаголы, обозначающие состояния и процессы, нейтральные по отношению к признаку контролируемости

gaišti ‘медлить’, ‘околевать’ — *gaišta, gaišo*;
grùsti ‘растрогаться’, ‘сокрушаться’ — *gruñda, grùdo*;
kilti ‘подниматься’, ‘вставать’, ‘возникать’, ‘происходить’, ‘продвигаться’ — *kyla, kilo*;
kìsti ‘меняться’ — *kiñta, kito*;
pũkti ‘сердиться’, ‘злиться’ — *pũksta, pũko*;
prùsti ‘просвещаться’, ‘развиваться’ — *pruñta, prùto*;
šělti ‘беситься’, ‘бушевать’, ‘буйствовать’ — *šělsta, šělo*;
sušũkti ‘вскрикнуть’ — *sušũnka, sušũko*;
šĩr̃sti ‘досадовать’, ‘негодовать’, ‘злиться’ — *šĩr̃sta, šĩr̃do*;
štĩkti ‘успевать’ — *štĩnka, štĩko*;
tàpti ‘сделаться’, ‘стать’, ‘становиться’ — *tañpa, tãpo*;
tràkti ‘беситься’ — *trañka, trãko*;

túžti ‘злиться’, ‘свирепствовать’ — *túžta, túžo*;

Сюда же, видимо, примыкают и глаголы

kìbti ‘цепляться’, ‘клевать (о рыбе)’, ‘прилипнуть (о болезни)’, ‘придираться’ — *kim̃ba, kibo*;

vìsti ‘размножаться’, ‘разводиться (о насекомых)’ — *vÿsta, viso*.

2.2.3. Агентивные непереходные глаголы, обозначающие контролируемые действия

brìsti ‘брести’ — *breñda, brido*;

kàkti ‘отправляться’ — *kañka, kãko*;

mìsti ‘питаться’ — *miñta, mïto*;

plùšti ‘трудиться’, ‘суетиться’ — *plũšta, plũšo*;

skrìsti ‘лететь’ — *skreñda, skrïdo*;

sprùkti ‘удрать’, ‘сбежать’ — *spruñka, sprùko*;

vÿkti ‘направляться’, ‘следовать’, ‘удаваться’, ‘происходить’ — *vÿksta, vÿko*.

2.2.4. Переходные глаголы

čìũpti ‘хватать’ — *čiũpra, čiũpo*;

drÿsti ‘сметь’, ‘держать’ (управляет инфинитивной конструкцией) — *drÿsta, drÿso*;

jùsti ‘ощущать’, ‘чувствовать’ — *juñta, jùto*;

mégti ‘любить (делать что-либо)’ — *mégsta, mégo*;

nũsti ‘сильно желать’, ‘скупать’ (управляет дополнением в генитиве) — *nũsta, nũdo*;

pažìnti ‘знать’, ‘быть знакомым’, ‘узнавать’, ‘познавать’ — *pažìsta, pažìno*;

ràsti ‘находить’, ‘обнаруживать’ — *rañda, rãdo*;

žlùgti ‘замачивать (бельё)’ — *žluñga, žlùgo*.

2.2.5. Анализ приведённого материала

Как видно, подавляющее большинство глаголов данного типа обозначают неконтролируемые ситуации с единственным участником-Пациентом. Замечу, что некоторые переходные глаголы данного парадигматического класса также обозначают состояния, неконтролируемые Субъектом: *jùsti* ‘ощущать’, *mégti* ‘любить’ — либо нейтральные по отношению к признаку контролируемости, например, *pažìnti* ‘знать’. Другое важное свойство этого класса, проявляющееся у большей части входящих в него лексем — предельность. Именно этот признак отличает многие глаголы с инфиксом или суффиксом *-st-* от, казалось бы, относящихся к тому же семантическому классу глаголов типа (4): *plièksti* ‘ярко светить’ (4) vs. *švìsti* ‘светать’ (n), *déngti* ‘быстро бе-

жать’, ‘нестись’ (4) vs. *sprùkti* ‘удрать’, ‘сбежать’ и т.п.. Есть, разумеется, и исключения: *plùšti* ‘трудиться’, ‘суетиться’, *tràkti* ‘беситься’ и др. Таким образом, несмотря на немногочисленные исключения, можно выделить семантическую доминанту глаголов данного типа — неконтролируемое изменение состояния (семантическая пассивность).

2.3. Глаголы типа (1) без инфикса или суффикса *-st-* в основе настоящего времени

Глаголов данного типа относительно немного; среди них есть и переходные, и непереходные. Они образуют следующие семантические группы:

2.3.1. Глаголы движения и изменения положения в пространстве

В отличие от аналогичных лексем класса (4), глаголы этого небольшой группы могут обозначать как способ, так и направление движения, т. е. быть как предельными, так и непредельными.

bégti ‘бежать’ — *béga, bégo*;

lìpti ‘лезть’, ‘взбираться’ — *lìpa, lìpo*;

lĩšti ‘лезть’, ‘влезать’ — *leñda, liñdo*;

sésti ‘садиться’ — *séda, sédo*;

sliñkti ‘двигаться’, ‘ползти’, ‘течь (о времени)’, ‘выпадать’ (о волосах) — *sleñka, sliñko*;

šókti ‘прыгать’, ‘скакать’, ‘танцевать’, ‘бросаться (на что-то)’ — *šóka, šóko*.

2.3.2. Прочие непереходные глаголы

Как легко заметить, приводящиеся ниже лексемы не образуют никакого семантического единства.

áugti ‘расти’ — *áuga, áugo*;

dìrbti ‘работать’, ‘трудиться’, ‘заниматься’; ‘делать’, ‘обрабатывать’ (в последних употреблениях переходный) — *dìrba, dìrbo*;

lìkti ‘оставаться’, ‘становиться’ — *liěka, lìko*;

sirǵti ‘болеть’ — *seřga, sirǵo*.

2.3.3. Глаголы каузации движения или изменения положения в пространстве

brùkti ‘засовывать’, ‘навязывать’, ‘трепать’ — *brùka, brùko*;

grústi ‘пихать’, ‘толкать’, ‘толочь’ — *grúda, grúdo*;

kimšti ‘запихивать’, ‘жрать’ — *keťša, kimšo*;

kìšti ‘совать’ — *kìša, kìšo*;

rìsti ‘катить’, ‘катать’ — *rìta, rìto*;

sùkti ‘крутить’, ‘вертеть’, ‘вращать’, ‘вить’, ‘обманывать’ — *sùka, sùko*;

sùpti ‘качать’, ‘окружать’, ‘окутывать’ — *sùpa, sùpo*;

viľkti ‘тащить’, ‘тянуть’, ‘одевать’ — *veľka, viľko*.

2.3.4. Глаголы деформации

galásti ‘точить’ — *galánda, galándo*;

kásti ‘кусать’, ‘есть’ — *kánda, kándo*;

kiřpti ‘резать’, ‘стричь’ — *keřpa, kiřpo*;

kiřsti ‘рубить’, ‘жать (посевы)’, ‘жалить (о змеях)’, ‘ударять’, ‘клевать’, ‘пересекать (дорогу)’ — *keřta, kiřto*;

knìsti ‘рыть’ — *knìsa, knìso*;

krimřti ‘грызть’ — *kreřta, krimřto*;

lùpti ‘сдирать (шкуру, кожуру и т.п.)’, ‘бить’, ‘колотить’ — *lùpa, lùpo*;

mýgti ‘жать’, ‘давить’, ‘нажимать’ — *mýga, mýgo*;

skùsti ‘брить’, ‘скрести’; ‘мчаться’ — *skùta, skùto*.

2.3.5. Прочие переходные глаголы

piřkti ‘покупать’ — *peřka, piřko*;

piřřti ‘сватать’, ‘предлагать’, ‘навязывать’ — *peřřa, piřřo*;

riňkti ‘собирать’, ‘выбирать’ — *reňka, riňko*;

riřti ‘вязать’, ‘привязывать’, ‘переплестать’ — *riřa, riřo*;

triňkti ‘мыть (волосы)’ — *treňka, triňko*.

2.3.6. Анализ приведённого материала

Относящиеся к рассматриваемому типу глаголы движения и изменения положения в пространстве характеризуются тем, что обозначаемая ими ситуация имеет к качеству основного участника Агенса, а не Пациенса, как подавляющее большинство глаголов с инфиксом или суффиксом *-st-*. Отмечу, что среди последних глаголов движения практически нет — исключение составляют глаголы

skriřti ‘лететь’ — *skreřda, skriřdo*;

slýsti ‘скользить’ — *slýsta, slýdo*;

и некоторые другие (см. п. 2.2.3.). Отмечу также, что глаголы движения, относящиеся к классу (1), хотя и являются по большей частью глаголами способа движения, не обозначают, в отличие от многих аналогичных глаголов класса (4), движения повышенной интенсивности. Таким образом, можно сказать, что данные глаголы «недостаточно» пациентивны, чтобы иметь суффикс *-st-* или инфикс, но и «недостаточно» агентивны, чтобы получить формант *-j-* и полностью уподобиться переходным глаголам.

Что касается переходных глаголов данного типа, то глаголы со схожей семантикой имеются и в типе (4):

blōkšti ‘бросать’, ‘швырять’ — *blōškia, blōšké*;

daūbti ‘выдалбливать’ — *daūbia, daūbè*;

dróžti ‘строгать’ — *dróžia, dróžè*;

и т. д.

Следует, однако, обратить внимание и на формальные особенности глаголов данного класса. Среди них много лексем с чередованием $i \rightarrow e$ в основе настоящего времени, причём как переходных, так и непереходных. Как уже было отмечено в разделе 1.4.4., данное чередование несовместимо с формантом *-j-* (за одним исключением). Таким образом, в данном случае морфонологические характеристики глаголов оказываются сильнее семантических — переходные глаголы с чередованием не могут получить формант *-j-*. Что же касается самого чередования $i \rightarrow e$, то его наличие или отсутствие, по-видимому, не может быть предсказано (условие «перед сонантом» — необходимое, но не достаточное, так же, как и акцентное условие — циркумфлектированный корень, ср. *gīlbtī* ‘выздоровливать’ — *gīlbsta, gīlbo*, а не **geīlba*).

Тем самым, наличие в типе (1) переходных глаголов не может быть мотивировано, по крайней мере, на данном уровне синхронного анализа.

2.4. Глаголы типа (2)

Данный класс также делится на несколько групп.

2.4.1. Лабильные глаголы

Лабильными (точнее, «субъектно-лабильными») называется полисемичные глаголы, одно из значений которых непереходно и обозначает пациентивное состояние или процесс, например ‘разбиться’, ‘гореть’, а другое переходно и обозначает агентивное действие, каузирующее это состояние или процесс, например, ‘разбить’, ‘жечь’ (см. [Haspelmath 1993]).

dēgti ‘гореть’; ‘жечь’, ‘зажигать’ — *dēga, dēgè*;

kēpti ‘печься’, ‘жариться’; ‘печь’, ‘жарить’ — *kēpa, kēpè*;

vīrti ‘кипеть’, ‘вариться’; ‘кипятить’, ‘варить’ — *vérda, vīrè*.

К этой группе примыкает глагол

pūlti ‘падать’; ‘нападать’, ‘набрасываться’, ‘напускаться’, ‘наступать’, ‘вести наступление’ (управляет дополнением в аккузативе) — *púola, púolè*.

2.4.2. Глаголы каузации перемещения

gīñti ‘гнать’ — *gēna, gīnè*;

mèsti ‘бросать’, ‘оставлять’, ‘покидать’ — *měta, mětě*;

něšti ‘нести’ — *něša, něšě*;

pìlti ‘лить’, ‘сыпать’, ‘бить’ — *pìla, pýlě*;

vèsti ‘вести’, ‘заведовать’, ‘жениться’, ‘приносить потомство’, ‘приносить плоды’ — *věda, vědě*.

2.4.3. Прочие переходные глаголы

bárti ‘бранить’, ‘ругать’ — *bāra, bārě*;

bèsti ‘втыкать’, ‘вонзать’ — *běda, bědě*;

ésti ‘есть (о животных)’, ‘жрать’, ‘разъедать (о дыме, кислоте)’ — *éda, édě*;

gìnti ‘защищать’, ‘запрещать’ — *gìna, gýně*;

imti ‘брать’, ‘начинать’ — *ima, ěmě*;

kálti ‘ковать’, ‘чеканить’, ‘долбить’ — *kāla, kālě*;

kàsti ‘копать’, ‘рыть’ — *kāsa, kāsě*;

làkti ‘лакать’ — *lāka, lākě*;

lèsti ‘клевать’ — *lěsa, lěsě*;

málti ‘молоть’ — *māla, mālě*;

mègzti ‘завязывать’, ‘вязать’ — *mězga, měžgě*;

miñti ‘помнить’, ‘загадывать’, ‘отгадывать’ — *měna, mìně*;

mìnti ‘топтать’, ‘мять’ — *mìna, mýně*;

pěšti ‘драть’, ‘дёргать’, ‘выигрывать’, ‘добиваться’ — *pěša, pěšě*;

pìnti ‘плести’, ‘спутывать’ — *pìna, pýně*;

plàkti ‘сечь’, ‘бичевать’, ‘взбалтывать’, ‘взбивать’; ‘колотиться’ (о сердце) — *plāka, plākě*;

ràkti ‘колоть’, ‘копать’, ‘рыть’ — *rāka, rākě*;

règzti ‘плести’, ‘вязать’, ‘болтать’ — *rězga, rěžgě*;

sègti ‘застёгивать’, ‘прикалывать’ — *sěga, sěžgě*;

sèkti ‘следить’, ‘подражать’, ‘рассказывать’ — *sěka, sěkě*;

skìnti ‘рвать (цветы)’, ‘щипать (траву)’, ‘рубить’ — *skìna, skýně*;

tèpti ‘мазать’, ‘смазывать’ — *těpa, těpě*;

tìnti ‘отбивать’, ‘точить’, ‘бить’ — *tìna, týně*;

trìnti ‘тереть’ — *trìna, trýně*.

2.4.4. Непереходные глаголы

gìmti ‘рождаться’ — *gìmsta, gìmě*;

gũti ‘ложиться’, ‘падать (о тени)’ — *gùla, gùlě*;

mĩrti ‘умирать’ — *mĩrřta, mĩrė*.

2.4.5. Анализ приведённого материала

С данным словоизменительным типом глаголов, по всей видимости, не может быть связан никакой естественный семантический класс. Лишь первичные лабильные глаголы, в литовском языке довольно немногочисленные, все относятся к типу (2) (исключения мне неизвестны, но, возможно, они всё же есть). Данный факт весьма примечателен, так как здесь мы имеем дело с иконичностью морфологического выражения значения: типичные переходные глаголы имеют формант *-j-* в обеих основах, типичные непереходные не имеют его ни в одной основе, а лабильные глаголы, как будто в соответствии со своей семантико-синтаксической «двойственностью», не имеют *-j-* в основе настоящего времени и принимают его в основе прошедшего времени.

Характерно, что немногочисленные непереходные глаголы, относящиеся к данному типу, образуют основу настоящего времени в соответствии с уже указанным (см. п. 2.0.) противопоставлением — пациентивные глаголы *gĩmti* и *mĩrti* принимают суффикс *-st-*, а агентивный *gulti* ведёт себя подобно другим глаголам направленного движения, т. е. не имеет в этой основе никакого форманта.

С точки зрения морфонологической структуры корня, большинство глаголов данного типа либо имеют в корне краткий гласный *-e-* или *-a-*, либо сочетания *-im-*, *-in-*, *-ir-*, *-il-*, *-ul-*, восходящие к нулевой ступени корня ([Stang 1966: 77 — 87]), без следующего за ними согласного. Однако и в это не может считаться признаком, обуславливающим выбор форманта *-j-* в качестве показателя прошедшего времени — существует некоторое количество глаголов с той же морфонологической структурой, но принадлежащих к другому типу, и даже минимальные пары:

ràkti ‘колоть’ — *rāka, rākė*;

ràkti ‘закупориваться’ — *rañka, ràko*;

sėkti ‘следить’ — *sėka, sėkė*;

sėkti ‘убывать’, ‘истощаться’ — *señka, seko*.

Что же касается переходных глаголов *giĩti* ‘гнать’ и *miĩti* ‘помнить’, то отсутствие у них *-j-* в основе настоящего времени можно объяснить тем, что эти глаголы имеют чередование *i* → *e*, «запрещающее» *-j-*.

2.5. Семантическое распределение парадигматических классов глаголов

Этот раздел посвящён обобщению приведённого выше материала и обнаружению корреляции между парадигматическими и семантическими классами первичных глаголов литовского языка. С этой целью я выясняю процентное соотношение числа

глаголов различных семантических типов в каждом из основных парадигматических классов, рассмотренных выше, и наоборот — соотношение глаголов разных парадигматических классов, принадлежащих к данному семантическому типу. Результаты представлены в таблицах А и В.

Таблица А

Парадигматический класс	Всего глаголов	Семантический класс	Всего глаголов
(1)	32 (4,4%)	Агентивные непереходные	7 (2,2%)
		Пациентивные непереходные	2 (6,3%)
		Нейтральные непереходные	1 (3,1%)
		Переходные	22 (68,8%)
(1n/st)	267 (37,3%)	Пациентивные непереходные	237 (88,8%)
		Нейтральные непереходные	15 (5,6%)
		Агентивные непереходные	7 (2,6%)
		Переходные	8 (3%)
(2)	35 (4,9%)	Пациентивные непереходные	2 (5,7%)
		Лабильные	4 (11,4%)
		Переходные	29 (82,9%)
(4)	381 (53,3%)	Пациентивные непереходные	7 (1,8%)
		Нейтральные непереходные	6 (1,6%)
		Агентивные непереходные	121 (31,8%)
		Переходные	247 (64,8%)
Всего	715		

Таблица В

Семантический класс	Всего глаголов	Парадигматический класс	Всего глаголов
Пациентивные непереходные	248 (34,7%)	(1n/st)	237 (95,6%)
		(1)	2 (0,8%)
		(2)	2 (0,8%)
		(4)	7 (2,8%)
Нейтральные непереходные	22 (3,1%)	(1n/st)	15 (68%)
		(1)	1 (4,5%)
		(4)	6 (27,3%)
Агентивные непереходные	135 (18,9%)	(1)	7 (5,2%)
		(1n/st)	7 (5,2%)
		(4)	121 (89,6%)
Лабильные	4 (0,6%)	(2)	4 (100%)
Переходные	306 (42,8%)	(1)	22 (7,2%)
		(1n/st)	8 (2,6%)
		(2)	29 (9,5%)
		(4)	247 (80,7%)
Всего	715		

Таблицы А и В позволяют сделать следующие выводы:

- (i) имеется статистически надёжная корреляция между семантическими признаками «агентивность» и «пациентивность» и парадигматическими классами (4) и (1n/st), соответственно;

(ii) в словоизменительных типах, образующих основу прошедшего времени с помощью суффикса *-j-*, т. е. (2) и (4), преобладают переходные глаголы (в сумме 280 (67,3%) vs. 136); что же касается доли в этих классах агентивных (и нейтральных) vs. пациентивных глаголов, то она ещё выше (в сумме 407 (97,8%) vs. 9); это свидетельствует о том, что формант *-j-* в форме прошедшего времени является косвенным показателем агентивности глагола; напротив, в типах, образующих основу прошедшего времени без форманта *-j-*, преобладают пациентивные глаголы (239 (79,9%) vs 60);

(iii) парадигматический класс первичного глагола можно с довольно большой уверенностью предсказать, исходя из его семантики: 90,2% переходных глаголов образуют основу прошедшего времени с суффиксом *-j-*; 80,7% переходных глаголов образуют с помощью суффикса *-j-* также и основу настоящего времени; 96,4% пациентивных непереходных глаголов образует основу прошедшего времени без суффикса *-j-*; 95,6% пациентивных глаголов образуют основу настоящего времени с помощью назального инфикса или суффикса *-st-*; все лабильные глаголы попадают в тип (2).

3. Заключение

Итак, анализ представительной выборки первичных глаголов литовского языка показывает, что представление о «непредсказуемости», «немотивированности» словоизменительного типа семантическими характеристиками глагола нельзя считать обоснованным. Оказывается, что такие важные морфологические параметры глагольной лексемы, как наличие/отсутствие форманта *-j-* в настоящем или прошедшем времени, наличие/отсутствие назального инфикса или суффикса *-st-* в настоящем времени — коррелируют с важнейшим семантическим противопоставлением предикатов, обозначающих агентивные, контролируемые ситуации, и предикатов, обозначающих пациентивные, неконтролируемые ситуации. Тем самым, можно сделать вывод о том, что система парадигматических классов глаголов в литовском языке в значительной степени мотивирована семантикой.

Библиография

Амбразас (ред.) 1985 — Грамматика литовского языка / Под ред. В. Амбразаса. Вильнюс: «Мокслас», 1985.

- Андронов 1999 — *A.V. Андронов*. Сопоставительная грамматика литовского и латышского языков. Словоизменение. АКД. СПб., 1999.
- Булыгина 1970 — *Т.В. Булыгина*. Морфологическая структура слова в современном литовском языке (в его письменной форме) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках / Под ред. В.М. Жирмунского и Н.Д. Арутюновой. М.: «Наука», 1970, с. 7 — 70.
- Булыгина 1977 — *Т.В. Булыгина*. Проблемы теории морфологических моделей. М.: «Наука», 1977.
- Булыгина 1982 — *Т.В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстовой. М.: «Наука», 1982, с. 7 — 87.
- Зализняк 1987 (1977) — *А.А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. 3-е изд. М.: «Русский язык», 1987.
- Сибатани 1999 — *М. Сибатани*. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Под ред. Е.В. Рахилиной и Я.Г. Тестельца. М.: «Языки русской культуры», 1999, с. 274 — 289.
- Andronov 2000 — *A.V. Andronov*. Some remarks on the system of Lithuanian and Latvian conjugation // *Linguistica Baltica*. V. 8. 2000, pp. 35 — 47.
- DLKŽ 2000 — *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas* / Vyr. red. S. Keinys. IV leid. Vilnius, 2000.
- Dressler et al. 2004 — *W.U. Dressler, M. Kilani-Schoch, L. Pestal, N. Gagarina, M. Pöchträger*. On the typology of inflection class systems // 11th International Morphology Meeting, Vienna, February 2004. Abstracts. Vienna: Vienna University, 2004, pp. 44 — 45.
- Endzelins 1948 — *J. Endzelīns*. Baltu valodu skaņas un formas. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1948.
- Fraenkel 1962 — *E. Fraenkel*. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I — II. Heidelberg: Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962.
- Haspelmath 1993 — *M. Haspelmath*. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // *Causatives and Transitivity* / Ed. by B. Comrie, M. Polinsky. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993, pp. 87 — 120.
- Heeschen 1968 — *C.F.E. Heeschen*. Einführung in die Grundprobleme der generative Phonologie mit besondere Berücksichtigung der litauischen Phonologie. Bonn, 1968.

- Hopper & Thompson 1980 — *P.J. Hopper, S.A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. V. 56. 1980. №. 2, pp. 251 — 299.
- Kulikov & Vater (eds.) 1998 — *Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday* / Ed. by L.I. Kulikov, H. Vater. Tübingen: Niemeyer, 1998.
- Lazard 1985 — *G. Lazard*. Anti-impersonal verbs, transitivity continuum and the notion of transitivity // *Language Invariants and Mental Operations* / Ed. by H. Seiler, G. Brettschneider. Tübingen: Narr, 1985, pp. 115 — 123.
- Levin & Rappaport Hovav 1990 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. The lexical semantics of verbs of motion: The perspective from unaccusativity // *Thematic Structure: Its Role in Grammar* / Ed. by I. M. Roca. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1990, pp. 247 — 269.
- Levin & Rappaport Hovav 1995 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. *Unaccusativity: At the Syntax-Lexical Semantics Interface*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1995.
- Lyberis 1962 — *A. Lyberis*. *Lietuvių-rusų kalbų žodynas*. Vilnius, 1962.
- MLKŽ 2000 — *M. Norkaitienė, R. Šepetytė, Z. Šimenaitė*. *Mokomasis lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius: Baltos lankos, 2000.
- Perlmutter 1978 — *D. Perlmutter*. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // *Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1978, pp. 157 — 189.
- Senn 1966 — *A. Senn*. *Handbuch der Lithauischen Sprache*. Bd. I. Grammatik. Heidelberg: Winter, 1966.
- Shibatani 1998 — *M. Shibatani*. Voice parameters // Kulikov & Vater (eds.) 1998, pp. 39 — 74.
- Stang 1942 — *Chr.S. Stang*. Das slavische und baltische Verbum // *Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo*. II. Hist.-Filos. Klasse. 1942, No. I, S. 1 — 280.
- Stang 1966 — *Chr.S. Stang*. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1966.
- Testelec 1998 — *Y.G. Testelec*. On two parameters of transitivity // Kulikov & Vater (eds.) 1998, pp. 29 — 45.
- Timberlake 1982 — *A. Timberlake*. The impersonal passive in Lithuanian // *Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1982, pp. 508 — 524.
- Ulvydas (red.) 1971 — *Lietuvių kalbos gramatika*. II tomas. Morfologija / Vyr. red. K. Ulvydas. Vilnius: Mintis, 1971.
- Valeckienė 1998 — *A. Valeckienė*. *Funkcinė lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius, 1998.